

В.В. ВОЛКОВ

ЖИВАЯ ВОДА ПРОТИВ МЕРТВОЙ

**Нужен ли Внутреннему
предиктору внешний репетитор?**

Санкт-Петербург

2015

УДК 93/99

ББК 66.3 (2 Рос)3

В 67

Волков В.В. Живая вода против мертвой. Нужен ли Внутреннему предиктору внешний репетитор?: Политехника-принт, 2015. – 70 с.

Работа В.В. Волкова показывает исторические, философские и религиозные корни так называемой «Концепции общественной безопасности».

©Волков В.В., 2015

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Военно-морского инженерного института, специалист по философии
Н.К. Рериха.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть I. Истоки одной фальсификации</i>	4
<i>Часть II. Почему кобовские елки растут на кобовских булках?</i>	45

Часть I. Истоки одной фальсификации

Прошло 23 года с момента выхода в свет книги «Мертвая вода», представленной авторами в виде научно-методологического труда, который открыл новую эпоху в постижении человека и общества. За это время на базе «Мертвой воды» возникло пестрое общественное движение, включающее в себя как «мирских» сторонников Концепции общественной безопасности (КОБ), так и различные религиозные группы родноверов-неоязычников.

Учитывая, что философия КОБ затронула умы и сердца уже достаточно большого числа людей, следует внимательно изучить как саму концепцию, так и последствия ее появления. Поэтому нас, прежде всего, будут интересовать наиболее важные элементы КОБ: ее методология, ее логика, ее фактология, а затем, в целом – концептуальная философия. Только в этой триадичности исследователь КОБ может понять, в какой мере ее авторы сообщают истинные сведения, правильно ли строят свои рассуждения и на основании каких методологических подходов создают свою философию.

Ключом к разгадке «тайны» КОБ является ее логика, которая в целом носит манипулятивный характер, то есть обеспечивает скрытое управление адептами «концепции». Для этого авторы, чаще всего, используют два приема: игру с терминами и понятиями и нарушение правил и законов формальной логики.

Покажем это на примерах.

На первой же странице введения к книге каждый новообращенный кобовец узнает, что наука «социология» это есть некое «жизнеречение», поскольку, – сообщают авторы, – жизнь человека протекает в обществе и поэтому читатели сами должны понять, что социология – это не наука об обществе, а речение (сообщение?) о жизни¹. При этом авторов совершенно не беспокоит тот факт, что понятие «сообщение о жизни» гораздо шире по входящим в него видам и беднее –

¹ См.: Мертвая вода. – СПб., 1992. – Часть I. – С. 5.

по содержанию, чем понятие «наука об обществе». Более того, это их не только не беспокоит, но и специально используется ими для создания смыслового мостика к понятию «жречество». Последнее, по взглядам авторов, осуществляло концептуальную власть над национальными обществами с помощью жизнеречения, пока их не отстранили от сего важного дела некие надиудейские жрецы. И вот тогда, оказывается, мы с вами вместо жизнеречения получили «так называемую социологию – псевдонауку»².

Итак, что же мы видим? В начале рассуждения авторы, как бы входя в доверие к читателю, который, как и всякий неофит, питает уважение к любым наукам, выдвигают тезис: «социология – это жизнеречение», а в конце говорят совершенно противоположное, что социология – это не жизнеречение, а псевдонаука, по сравнению с нашим (кобовским) жизнеречением. В логике данный прием называется двойной подставной аргумент.

Аналогично авторы КОБ рассматривают свою же концептуальную власть, то есть власть некоего «внутреннего предиктора СССР», как и вообще любого предиктора. В начале они выдвигают тезис о том, что «концептуальная власть всегда работает по схеме предиктор-корректор... Она АВТОКРАТИЧНА по своей природе и игнорирует «демократические» процедуры общества, не видящие ее или не желающие признать ее автократию»³. Следует добавить к этому, что автократия [гр. Autokrateia – самовластие, самодержавие] как система управления, при которой одному лицу принадлежит неограниченная верховная власть⁴, отвергает демократические процедуры вовсе, а не только в заковыченном виде, как у наших авторов.

Далее в книге сообщается ноу-хау внутреннего предиктора. Он хочет создать такую автократию, которая станет доступной всем и поэтому «не может стать антинародной»⁵.

² Там же.

³ См.: Там же. – С. 77.

⁴ См.: Словарь иностранных слов / 17-е издание исправленное. – М.: Русский язык, 1988. – С.12.

⁵ См.: Мертвая вода. – СПб.,1992. – Часть I. – С. 78.

Таким образом, первоначальный тезис «автократия – это не демократия» в сознании «внутреннего предиктора» мутировал в свою противоположность: «автократия – это истинная демократия». С этим же связаны игры и с другими словами. Самоуправление полностью отождествляется с управлением, а самодержавие монарха с выдуманым предикторианцами самодержавием личности⁶.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: «А для чего все это делается?» Не для того ли, чтобы читатели привыкли к данным терминам и спокойно, без сопротивления приняли настоящее самодержавие будущего монарха? Ведь если предиктор=монарх есть необходимое звено в управлении любой социальной системы, то тогда нужно, чтобы каждый человек «понял», что его личное САМО-державие и САМО-управление должно быть делегировано им самим главному само-ДЕРЖЦУ и само-УПРАВЛЕНЦУ, а на уровне простого человека – «толпоря» (термин КОБ) должно остаться действительное самоуправление местного уровня, осуществляемое территориальной общиной. Отсюда становится понятна та энергия, с которой кобовцы организуют территориальные громады, подавая пример деградирующему левому движению. Однако многие простые кобовцы и не догадываются, как их громодяньские инициативы со временем собирается использовать новая предикторианская элита. Территориальные общины потребуются для легитимации нового царя.

Истинную суть соотношения элиты и толпы в КОБ с блеском раскрыл молодой блогер Владимир Гаппов в одном из своих роликов (http://www.youtube.com/watch?v=bJrY9F_sDnM). Согласно его дешифровке запутывающих людей рассуждений предикторианцев, КОБ выступает против элиты, и, одновременно с этим, предостерегает против свержения элиты, но подсказывает и выход из сложившегося логического затруднения – нужно самим становиться элитой, ибо «мафию победить нельзя, ее можно только возглавить». От себя добавим: но так как на всех места в элите все равно не хватит, то, следовательно, остальных толпорей надо как-то организовать в терри-

⁶ См.: Там же. – Часть II, Книга 2. – С. 23, 30, 38, 63, 76, 119.

ториальных общинах. Вот так благое дело развития самоуправления трудящихся становится добычей новой мафии меритократов, желающих сменить мафию олигархата. И виноваты в этом, как ни странно, не кобовцы, а коммунисты, забывшие в своем высокомерии и комчванстве простой народ, не живущие его жизнью, не идущие навстречу его инициативам. В результате живой народный порыв достается предикторианским манипуляторам.

Важнейшим направлением размышления авторов КОБ является национальный вопрос. И тут, как и в других случаях, на помощь предикторианцам приходит лингвистическая «генная инженерия», предназначенная для создания специфических генномодифицированных продуктов.

Верно подметив, что национализм и нацизм рождаются в недрах национальных элит, предикторианцы затем совершили смысловой кульбит. Вопреки происхождению термина «нацизм» и установившейся традиции его употребления, они заявили, что «под нацизмом понимается уничтожение чуждых культур и (или) народов их создавших»⁷.

Напомним, что нацизм или национал-социализм возник в Германии и поэтому разберём сначала очевидную этимологию.

«Национал-социалист» по-немецки пишется так: «Nationalsozialist». Но читается это слово не так, как можно было бы подумать человеку, не знакомому с немецким языком: не «национал-Социалист», а «национальСоциалист». УЖЕ очевидно, что именно на базе НЕМЕЦКОГО языка, пожелай мы сократить это сложное слово, выявляются целых два слога «Ци», которые прямо-таки напрашиваются для закрепления в качестве последнего слога сокращённого слова! Вот и получается: «Nazi» – с произнесением «НаЦи» – ударение переходит на первый слог, что для (западно) германских языков – устойчивое явление. То есть: «наЦи». Заглянем теперь в «Немецко-русский словарь» Рудаша / Лепинга 1947 г. В этом словаре соответствующая статья выглядит так: «Nazi м. р.; род. п.: -s, мн. ч.: -s (от

⁷ См.: Там же. – Часть I. – С.152.

Nationalsozialist) резрит. нАци, нацист, национал-социалист (член германской фашистской партии)». Итак, получается презрительная кличка – по типу русских «фашик / фашики», «коммуняка / коммуняки», «беляк / беляки» и т. п.

В английском языке в отношении германских фашистов предпочтительно применялся и применяется поныне именно этот же термин: «Nazi», который и произносится на немецкий манер – как «наци», хотя по английским правилам это надо бы читать как «нэйзи».

Итак, чисто логически, с весьма большой долей вероятности можно утверждать, что слово «Nazi» было изобретено немцами – разумеется, в период нахождения гитлеровцев у власти, либо даже ранее.

Что же до термина «нацист», то совсем не сложно увидеть, что «Nazist» – это сокращение от Na[tionalso]zi[ali]st». Впрочем, понятие «National-Sozialismus» ([националь-зоциалисмус] – «национал-социализм») тоже имеет сокращение: «Nazismus» ([нацисмус] – «нацизм»). Обратившись, далее, к Википедии на немецком языке, без труда находим следующую статью: <http://de.wikipedia.org/wiki/Nazi> и ещё: <http://de.wiktionary.org/wiki/Nazi> В этих статьях как раз и подтверждается, что слово «наци» – чисто немецкого происхождения!

Коротко суть первой по порядку статьи. Изначально «Наци» – это был просторечный вариант мужского имени «Ignaz» ([игнац]), то есть «Игнат», распространённого в Баварии и Австрии. Это слово также использовалось для обозначения глупого, недалёкого человека в Австрии и немецкоязычной Богемии. (Ну, видимо, по типу русского выражения: «Ваня-дурак»). В 1903 г. зафиксировано употребление слова «Наци» в отношении понятия «национал-социальный». В отношении партии национал-социалистов слово «наци» было впервые применено, вероятно, Куртом Тухольски (Kurt Tucholsky) в 1922 г. Ссылку дают такую: Kurt Tucholsky: Die >Nazis< (Курт Тухольски. Наци), в газете: DieWeltbuhne, 8 июня 1922. Сейчас текст этой статьи Курта Тухольски – разумеется, по-немецки – доступен вот здесь: <http://www.sudelblog.de/?p=376> Далее утверждается, что с 1930 г. сами гитлеровцы иногда себя так именуют, для отличия от «сОци» (Sozi –

[зоци]), то есть «социал-демократов» и прочих социалистов (Sozialist–[зоЦиалист]). Так, Йозеф Геббельс опубликовал в 1927 году в Эльберфельде брошюру под заголовком: «Der Nazi-Sozi. Fragen und Antworten für den Nationalsozialisten.» («Наци-соци. Вопросы и ответы для национал-социалистов»). Под конец в Википедии указывается, что в ГДР, общество которой именовалось «реальным социализмом», дабы не осквернять термин «социализм» (Sozialismus), в отношении гитлеровского режима вместо «Nationalsozialist» und «Nationalsozialismus» старались употреблять термины «Nazi» und «Nazismus».

Итак, очевидно, что термин «нацизм» имеет не просто немецкое, но и национал-социалистическое происхождение. И мы вправе считать, что не только происхождение, но и национал-социалистическое содержание.

Настоящий, а не выдуманный предикторианцами нацизм, есть, по сути, фашизм.

Что же роднит немецкий нацизм и итальянский фашизм и поэтому позволяет ставить между ними знак равенства? Не национализм сам по себе, ибо до нацистов=фашистов было полно всевозможных националистов. Не террористическая система на службе капитала и не жестокости. Капиталистам служили и еще долго будут служить всякие разномастные садисты и террористы. Суть фашизма=нацизма в другом – в идее социального партнерства между национальным пролетариатом и национальным капиталом, но не в либерально-демократическом, как у социал-демократов, варианте, а в националистическом и террористическом. И в добавок к тому – тоталитарном, а значит, обязательно госкапиталистическом.

Поэтому можно сформулировать следующее определение. **Национал-социализм (фашизм)** – это тоталитарный общественный строй, предполагающий корпоративный союз (социальное партнерство, солидаризм) национальной буржуазии и национального пролетариата, основанный на государственном капитализме, идеологии национализма (расизма) и милитаризме.

Почти все исследователи европейского фашизма согласны с тем, что он был результатом глубокого социально-экономического, политического и духовного кризиса западного капиталистического общества, который выражался:

- в издержках структурной перестройки капиталистической экономики на монополистический и государственно-монополистический лад;

- в политическом тупике (нестабильном равновесии), при котором буржуазия не могла справиться с рабочим движением «легальными» методами, а пролетариат не мог одолеть буржуазию;

- в определенном исчерпании идеологического и морально-психологического потенциала буржуазного либерализма, что нашло свое отражение в крушении индивидуалистических иллюзий так называемого «маленького человека».

Решающую роль в становлении фашизма сыграла монополистическая буржуазия. Именно она снаряжала, политически поддерживала и финансово обеспечивала новоявленных праворадикалов. И не зря, ибо ее интересы определили самую **главную черту фашизма** – *маниакальное стремление фашистских вождей перевести классовую борьбу пролетариата и других угнетенных слоев со своими эксплуататорами в русло противостояния с «национальными врагами»*. Эту задачу еще до появления фашистов пытались решить многие идеологи буржуазии, однако только в движении фашистов=нацистов было найдено **эффективное средство** привлечения рабочих на сторону крупного капитала. Им оказалось эклектическое соединение антибуржуазной псевдосоциалистической риторики с империалистическим расистским национализмом. В основе этой демагогии лежало утверждение о том, что субъектом движущим историю является элемент, который неразрывно связывает классы в национальную общность. Таким элементом считалась «кровь», а потому вся история представлялась в виде столкновения различных «общностей крови», то есть рас, или же расистски понимаемых наций.

То, что пропагандистская антибуржуазность является лишь маскировкой истинных целей фашизма было уже видно на примере вы-

теснения, а затем уничтожения в 1933 – 1934 гг. более 200 тысяч штурмовиков «СА», требовавших от руководства НСДАП выполнения так называемой «антикапиталистической программы». В связи с этим большой интерес представляет тот факт, что борьба «левого» и «правого» направлений нацизма отражала противоречия, сложившиеся между различными монополистическими группами Германии. Если руководители «Дойче банк», химических и электротехнических концернов, саксонской и силезской промышленности, торгового капитала стремились в союзе с Францией осуществить направленный против СССР и США проект «Срединной Европы» и для этого делали ставку на штурмовиков Рема и братьев Штрассеров, то группа Шахта – Тиссина – Герринга выдвигала планы военного уничтожения Франции и поддерживала с этой целью охранные отряды «СС» Гитлера. Как известно, «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. решила исход этого противостояния⁸.

Соединение расизма с антикапиталистической демагогией могло принести успех только при массовой поддержке «фелькишской» программы широкими народными массами. А это было невозможно без реального решения фашистами некоторых социальных проблем и тотального изменения сознания людей через внушение, воздействие на их подсознание и манипулирование⁹.

Фашистские идеологи чутко уловили тот факт, что атомизированный западный индивидуалист оказался морально и психологически раздавленным пессимистически мыслящим человеком. Воспользовавшись этим, они создали совершенно новый комплекс идеологии, психологии и морали, в котором тяга к солидаризму причудливо переплеталась с элитаристскими поисками «сверхчеловека», что приводило к тотальному конформизму «товарищей по партии» и отсутствию потребности отыскания всякого смысла, ведь все «сверхчеловеческое» и национально-групповое выражалось в одном человеке – вожде. В арсенале средств фашистских манипуляторов мы находим воссоздание архаических мифов, пропаганду культа смерти, силы и

⁸ См.: Опитц Р. Фашизм и неофашизм. – М.: Прогресс, 1988. – С. 50-55.

⁹ См.: Там же. – С. 21-31.

жестокости, призыв к разрыву со старшим поколением, упор на ма-
нихейское объяснение мира, поддержка болезненного инстинкта
группы¹⁰.

В результате разноплановых усилий нацистов в Германии сложи-
лось социальное партнерство буржуазии и пролетариата. Однако, в
отличие от социал-демократов, фашисты выстраивают эту «смычку»
с помощью тоталитарного государства, которое характеризуется пол-
ным (тотальным) **прямым** контролем со стороны органов государ-
ственной власти над всеми сферами жизни общества. При этом, кро-
ме проникновения государства во все и вся, кроме полицейского
нажима, тоталитаризм, в отличие от авторитаризма, предполагает и
обратное движение: граждане в большинстве своем сознательно или
бессознательно, организовано и горячо поддерживают тоталитарные
действия власти. О том, что такая поддержка действительно была и,
что нацисты выстраивали это самое партнерство, свидетельствуют
многочисленные исторические факты.

20 января 1934 г. был издан Закон о регулировании национально-
го труда, за которым последовали 19 директивных инструкций по его
осуществлению. Вместо фабзавкомов, обладавших довольно широ-
кими правами, был введен институт доверенных. Последние под
председательством предпринимателя образовывали совет предприя-
тия, обладавший чисто совещательными функциями и имевший своей
целью «достижение согласия и сотрудничества на предприятии, по-
вышение производительности труда, разрешение конфликтов». Этим
же законодательным актом были существенно расширены права вла-
дельца предприятия, который объявлялся фюрером своего коллекти-
ва, с передачей ему прерогатив, вытекающих из принципа «вождиз-
ма». Решающее слово в случае возникновения споров между «во-
ждем» предприятия и «доверенными» по вопросу об условиях устава
предоставлялось «попечителям труда». Согласно его параграфам 18 и
19, «попечитель» является имперским чиновником и высшим упол-
номоченным центрального правительства по социально-

¹⁰ См.: Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой победы.
– М.: Алгоритм, 2002. – С. 445-476.

политическим вопросам в своем районе, подчиненным имперскому министру труда. В сферу его полномочий входило определение условий заключения договоров, наблюдение за созданием и работой «советов доверенных», при определенных условиях назначение и отзыв «доверенных», принятие решений при спорах, выработка директив и тарифных условий, а также наблюдение за их выполнением. «Попечителю труда» было предоставлено право принятия решений о сроках и масштабах широких увольнений. В соответствии с принципом «вождизма» «попечитель» должен был принимать решения самостоятельно. Существовавший при нем совет экспертов действовал на правах совещательного органа. В законе были также положения, рассчитанные на то, чтобы чрезмерно не провоцировать рабочих. Этой цели служили части закона, в которых, во-первых, провозглашалось равенство прав и обязанностей работодателя и лиц наемного труда на предприятии и, во-вторых, намечались определенные мероприятия, выглядевшие как соответствующие интересам рабочего коллектива. К числу первых относился IV раздел закона, посвященный «социальным судам чести». Эти суды, создание которых предусматривалось законом, должны были рассматривать факты нарушения «социальных обязанностей» как членами коллектива, так и предпринимателями. К нарушениям, подлежащим разбирательству в таком суде, состоявшем из назначенного министром юстиции судьи и двух заседателей – одного от предпринимателей, другого от уполномоченных коллектива, – были отнесены: 1) злонамеренная эксплуатация подчиненных и оскорбление их чести со стороны предпринимателей; 2) нарушение «трудового мира» подчиненными, «незаконное вмешательство» «доверенных» в дела управления предприятием; 3) принесение необоснованных жалоб «попечителю труда»; 4) разглашение «доверенными» секретов предприятия. «Судами чести» могли быть наложены следующие взыскания: предупреждение, выговор, денежный штраф до 10 тыс. марок, лишение права быть фюрером предприятия или «доверенным», увольнение с предприятия без льготного срока. К числу других мероприятий, предусмотренных этой частью закона, следует отнести положения о системе защиты от увольнений. Рабо-

чие и служащие, проработавшие на предприятии, насчитывающем 10 человек и более, не меньше года, получали право на протяжении двух недель после увольнения подавать в суд по трудовым делам заявления с просьбой о восстановлении. Суд мог принимать решения либо о восстановлении, либо о выплате компенсации. Массовые увольнения, вызванные изменением хозяйственной конъюнктуры или тяжелым финансовым положением предприятия, разрешались только с санкции «попечителя труда». С момента подачи последнему заявления об увольнениях предприниматель был обязан держать соответствующих лиц на работе на протяжении примерно 4 недель. Если по финансовым соображениям он не мог сделать этого, «попечитель» был вправе разрешить перевести намеченных к увольнению лиц на неполный рабочий день, но не менее чем 24 часа в неделю. Большое воздействие на рабочих оказало изданное на основе закона от 20 января 1934 г. распоряжение о продолжительности рабочего дня (24 июля 1934 г.), согласно которому рабочий день для промышленных рабочих, в том числе и для рабочих сельских промышленных предприятий, устанавливался протяженностью в 8 часов. Кроме того, весьма эффективными оказались такие мероприятия нацистов как ликвидация безработицы, создание организации удешевленного массового отдыха «Крафт дурх фройде», ежегодная общегерманская компания «зимней помощи» «страдающим соотечественникам», к которой были привлечены местные земельные власти и все слои буржуазии. Все это привело к тому, что в 1936 г. произошел определенный перелом в отношении рабочего класса к режиму национал-социалистов¹¹.

Однако вернемся к предикторианцам. Подменяя понятие «нацизм=национал-социализм» на понятие «нацизм=уничтожение чуждых культур и народов», они преследовали несколько целей.

Во-первых, судя по антиеврейской риторике книги, им потребовалось навесить ярлык нацизма на факты любого национально окрашенного политического убийства или деятельности по разрушению культуры различных народов, которые происходили на протяжении

¹¹ См.: Галкин А.А. Германский фашизм. – М.,1989. – С.195-212.

всей истории человечества, в первую очередь, для того, чтобы иудаизм воспринимался как нацизм. В результате понятие, которое после Второй мировой войны и в сознании, и в подсознании народов олицетворяло ужасные зверства и геноцид, должно автоматически сработать и с иудаизмом, причем не во всей полноте истинного смысла слова «нацизм», а только в аспекте национализма и зверства нацистов. В результате возникает определенный автоматизм восприятия: иудей – значит нацист.

Во-вторых, авторам книги нужно было вывести из под удара настоящий нацизм, то есть национал-социализм, вернее сказать, некоторые из его сущностных компонент, а именно фашистскую концепцию классового партнерства и идею борьбы с ссудным процентом, оторванную от борьбы с эксплуатацией наемного труда, о чем мы скажем подробнее чуть позже.

Третья цель софистических упражнений авторов книги также совершенно очевидна – смягчить восприятие национализма со стороны простого, тогда еще советского, «толпоря». Здесь надо учитывать, что книга «Мертвая вода» писалась на рубеже 1980-1990 годов, когда взгляд на национализм в советском обществе был предельно жестким и, на наш взгляд, адекватным. Он трактовался как «идеология и политика угнетения и порабощения одних наций другими, разжигания национальной розни, расовой ненависти, оправдания колониализма»¹². Вдумчивый читатель, наверняка, обратит внимание на то, что кобовское определение нацизма плавно подменило советское определение национализма, а на смену последнему пришло «генномодифицированное» определение национализма, как «осознание уникальности собственной культуры в сочетании с отрицанием уникальности и значимости для человечества иных национальных культур»¹³.

Вот так с помощью нехитрых лингвистических манипуляций происходила идеологическая обработка будущих националистических бойцов: настоящий национализм стал всего лишь «отрицанием уникальности», нацизм – тем, как ранее понимался национализм, а

¹² Краткий словарь по научному коммунизму. – М.: ИПЛ, 1988. – С. 229.

¹³ Мертвая вода. – СПб., 1992. – Часть I. – С. 152.

вот реальный нацизм (национал-социализм) оказался выведенным за рамки любой критики, так как о нем просто «забыли» и убрали до поры до времени в «мертвую зону», из которой его, наверняка, скоро извлекут, но под другим названием.

Жонглирование понятиями используется авторами «Мертвой воды» не только в политических целях, но и на уровне формирования мировоззрения. Для этого они обращаются к весьма «авторитетным», на их взгляд, источникам – к сочинениям детского педагога Водовозова, инженера путей сообщения Шмакова и к еврейским религиозным книгам. На их основании предикторианцы делают «эпохальные выводы» о том, что якобы еще египетскими, а затем и иудейскими жрецами, совершенно не понятно, как связанными друг с другом, были созданы две противоположные картины мира: для толпы – экзотерическая четырехсоставная система «Амон», а для себя – эзотерическая триадичная система «Сефирот»¹⁴. Первая, в воображении авторов, благодаря усилиям материалистов и зловредных марксистов, заставила людей смотреть на мир через четыре ипостаси: **вещество, дух, пространство и время**, что привело к искажению мировоззрения людей и тем самым поспособствовало появлению у них ростовщичества, стяжательства и даже физических недугов у части приверженцев учения о четырех ипостасях мира. Для доказательства своей правоты кобовские теоретики приводят «фундаментальный» источник – «Книгу для начального чтения» З. Водовозова, изданную в Санкт-Петербурге в 1887 г.¹⁵

Оттуда они берут следующую цитату: «Высшим божеством египтян был АМУН. В его лице соединились четыре божества: вещество, из которого состоит всё на свете, – богиня НЕТ; дух, оживляющий вещество, или сила, которая заставляет его слагаться, изменяться, действовать, – бог НЕФ; бесконечное пространство, занимаемое веществом, – богиня ПАШТ; бесконечное время, какое нам представляется при постоянных изменениях вещества, – бог СЕБЕК». При этом

¹⁴ См.: Даниленко В.В. и др. Любомудрие (методологическая философия) // Честь и Родина. – 2007. – № 41. – С. 3.

¹⁵ См.: Там же.

ссылка на страницу книги Водовозова, на которой должен находиться приведенный отрывок отсутствует и понятно почему. Если бы авторы «Любомудрия» действительно читали данную книгу, то они, наверняка, обратили бы внимание на то, что ее автором является не З. Водовозов, а русский педагог и детский писатель Василий Иванович Водовозов (1825-1886), что называется она несколько по-иному: «Книга для **первоначального чтения в народных школах**», и что в этой книге маленьким деткам рассказывается о птичках, цветочках и первоначальных навыках жизни, вообще не затрагивая метафизических вопросов бытия, и, наконец, что **там нет вообще данной цитаты**. Но будем милосердны к авторам «Любомудрия» и предположим, что она там все же имеется и разберем ее содержание. Для этого обратимся к действительно авторитетному научному изданию, редакторам которого не было никакого смысла утаивать от народа систему «Амон», ибо эта система и создавалась, по мысли, предикторианцев, специально для профанов.

Итак, в результате изучения «Мифологического словаря» издания 1991 г. перед нами предстает совершенно другая картина древнеегипетской мифологии, нежели, чем у кобовских мудрецов.

Некая богиня ПАШТ, обозначающая у несуществующего З. Водовозова, то есть бесконечное пространство, в пантеоне древнеегипетских богов оказалась отсутствующим персонажем. Пришлось искать что-то сходное. Близкой по имени нашлась богиня Пахт – богиня-львица, владычица Восточной пустыни. Далее выяснилось отсутствие богини НЕТ (вещество), но – присутствие совершенно иной по смыслу богини – Нейт. Она была богиней города Саис, единства мужского и женского начала с функциями демиурга, войны и охоты, воды и моря, созидательница семени богов и людей и пр. Выдуманым оказался и бог НЕФ, обозначающий у Лжеводовозова духовное начало. Близкими ему по имени мы находим Нефертуна – бога растительности, Неферхотепа – бога Луны и Нехебкау – бога времени. То есть не СЕБЕК заведовал временем, как считал непонятный Водовозов, а Нехебкау. А вот настоящий Себек был богом изобилия и плодородия.

Цитата «Водовозова» завершается следующей фразой: «Всё, что ни есть на свете, по учению египтян, происходит из вещества через действие невидимой силы, занимает пространство и изменяется во времени, и все это таинственно соединяется в четыреедином существе АМУН». Данный вывод, как мы уже видим, основан больше на фантазиях авторов, чем на реальной информации о пантеоне древнеегипетских богов. Но для завершения вопроса надо посмотреть на самого бога Амона.

Итак, Амон – бог солнца, бог-творец, создавший все сущее, царь всех богов, включавших их всех в себе. Стоял во главе гелиопольской эннеады (девятки богов) и гермопольской огдоады (восьмерки богов). Последняя примечательна тем, что показывает настоящее, а не выдуманное древнеегипетское понимание устройства мира: боги Нун и Наунет олицетворяли водную стихию, Ху (Хух) и Хаухет – бесконечность в пространстве, Кук и Каукет – мрак, Амон и Амаунет – сокрытое. Четвертая пара заменила ранее присутствовавших богов Ниау и Ниаута (отрицание и ничто).

Таким образом, экзотерическая картина мира древних египтян похожа на фантазии предикторианцев только своей четырехсоставностью: вода, бесконечность, мрак и сокрытое ну никак не вписываются в кобовский вариант с веществом, духом, пространством и временем. В главном же перед нами обычное для той эпохи восприятие мира через поиск его первоэлементов.

Впросак попали авторы КОБ и с системой «Сефирот»: саму систему изложили неверно, источники фальсифицировали, людей обманули.

Цитируем «эпохальный» труд, то есть статью «Любомудрие (методологическая философия)»: «Вот, что говорится в «Священной книге Тота. Великие арканы Таро» Шмакова, инженера путей сообщения», с.245, 10 аркан Таро: «...Бог Живой и Царь Вечный, Эль Шаддай, Милосердный и Прощающий, Возвышенный и Пребывающий в вечности, – возвышенно и свято ИМЯ ЕГО, – СОЗДАЛ МИР СВОЙ – ТРЕМЯ СЕФЕРИМ: СЕФАР, СИПУР и СЕФЕР». Книга

Творения (СЕФЕР). А в книге «Сузари» глава 4, параграф 25, разъясняется:

– СЕФАР (Мера) – для управленцев, это числа, которые позволяют определить необходимые назначения и отношения каждого и вещи, чтобы понять цель, для чего она создана. Мера длины, мера вместимости, веса, движения, гармонии;

– СИПУР (Информация) – выражает слово и голос Бога живого, кто породил существа под их различными формами, будь они внешними, будь они внутренними;

– СЕФЕР (Материя) – обозначает писание. Писание Бога есть плод творения.

И далее: Так мысль, слово и писание суть в Боге лишь одно, тогда как в человеке они суть три». Перевод Н.А. Переферковича»¹⁶.

Итак, Лжеводовозова сменяет Н.А. Переферкович, который, конечно, был бы не против того, чтобы числиться автором перевода цитируемой древнееврейской книги, но, к большому сожалению, так и не успел этого осуществить. Ему хватило перевода Талмуда. Зная о последнем факте, фальсификаторы, по-видимому, и впихнули имя покойного Переферковича в текст своей статьи, дабы подкрепить ее столь высоким авторитетом. Но Переферкович не издавал своего перевода книги «Сузари» не только, потому что такой книги вообще не существует, а есть книга «Кузари», но и вообще этого не делал.

Слово «Сузари», скорее всего, появилось в тексте наших Любомудров от английского написания «Cuzary», отражая лингвистическую мутацию одного подполковника, который жаловался курсантам, что у них в тумбочках нет ни одной советской зубной пасты, за исключением тумбочки курсанта К...., в которой незадачливый подполковник обнаружил зубную пасту «Солдат» («Colgate») и радостно сообщил об этом.

Сама же книга «Кузари» (араб. الخزر ك تاب) – это философское произведение на арабском языке врача, поэта и философа раввина Иехуды Галеви. Почти вся книга представляет со-

¹⁶ Даниленко В.В. и др. Любомудрие (методологическая философия) // Честь и Родина. – 2007. – № 41. – С. 3.

бой диалог хазарского царя и еврейского мудреца. Книга была написана около 1140 года, и уже в XII веке была переведена на иврит известным переводчиком Иеудой Ибн-Тибоном под названием «ивр. Сэфеэр а-охаха ве-а-реая ле-аганат а-дат а-безуя» («Книга доказательства и обоснования в защиту презираемой религии»), устоялось, однако, краткое название «Кузари»¹⁷. В своем анализе деяний фальсификаторов мы будем пользоваться русским переводом Г. Липша, изданном в 1980 г. в Иерусалиме¹⁸. Но прежде обратимся к этимологии основных понятий, используемых кобовцами для доказательства древнейшего происхождения якобы триадичной системы «Сефирот» и взятых ими из книги «Сефер Иецира» («Книга Творения»).

Итак, слово «сфар» – это по-еврейски «граница». Слово «сЕфер» – это «книга». Но множественное число – «книг-и» – «сфар-Им». «Границы» – в современном иврите тоже «сфар-им». Уже от слова «сфар» – «граница». Вполне возможно, что «сефар» в приводимом отрывке – это и есть современное «сфар», то есть та же «граница». А вот слово «сифрАн» – это «цифра», а «сифрОн» – «книжка, брошюра». Наконец, «сифрУт» или «сафрУт» – это «литература», «сафрАн» – это «библиотекарь». То есть имеем нечто схожее с близостью русских понятий «читать» и «считать» – через посредство «считывать».

Игра же в слова (что так любили и любят каббалисты, а вслед за ними и все прочие эзотерики и мистики!) облегчается тем, что в еврейском языке мало гласных букв. Гласные звуки чаще всего обозначаются специальными значками над согласной буквой либо под ней. Это называется «огласовка». Но огласовка отнюдь не строго обязательна. Тем более, её часто опускали в древности. То есть, если взять в виде транскрипции русские согласные буквы, везде имеем такую вот общую запись без огласовок (СПРАВА НАЛЕВО, разумеется): Р-Ф-С<=

¹⁷ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кузари>

¹⁸ См.: Рабби Иегуда Галеви. Кузари. – Иерусалим: «Шамир», 1980.

Приводим ниже эту русскую транскрипцию в её «зеркальном отражении», то есть справа налево на еврейский манер и, соответственно, слева направо по-русски:

Р(а)ФС<|=|>«сфар» – «граница».

МИР(а)ФС <= / Р(е)Ф(е)С <|=|>«сЕфер» – «книга»/=>«сфарИм»–
»книги».

НОРФ(и)С <= / h(а)РФ(и)С <|=|>«сифрАн»–
»цифра»/=>«сифрОн»–»книжка, брошюра».

Т(у)ОРФ(а)С <=/ Т(у)ОРФ(и)С<|=|>«сифрУт»/=>«сафрУт»–
»литература».

Н(а)РФ(а)С<|=|>«сафрАн»–»библиотекарь».

Здесь надо учитывать, что неударное «е» может выпадать в том или ином говоре/диалекте. То есть одни люди могут произносить (либо могли произносить в какой-то исторический период) «сефАр», а другие – «сфар». Такое в разных языках наблюдается совсем не редко!

Теперь относительно слова «сипур». Дело в том, что звуки «ф» и «п» передаются в еврейском письме одной и той же буквой! Разница лишь в том, что внутри буквы «ф» вставляют точку и получается уже буква «п». Причём, здесь ещё и такая историческая путаница. Сама исходная буква называется «пе». Выглядит она так (без точки внутри!):פ. Но вот передаёт-то она как раз-таки звук «ф», а не «п»! (По крайней мере, так обстоит в современном израильском иврите). Если же внутри этой буквы поставить точку, то она уже будет называться «пе с дагешем» («дагеш» – это дополнительный фонетический значок так называется). И вот уже «пе с дагешем» передаёт в современном иврите собственно звук «п»:פּ. Объяснить это можно тем, что согласные звуки «п» и «ф» достаточно близки друг другу по произношению, и опять же могут заменять друг друга в родственных языках и даже диалектах одного языка. Существует также и промежуточный звук «пф». Слово «сафур» –»считанный». Так вот, слова «сипур» и «сафур» можно записать почти одинаково, если не учитывать огласовки:

РУФ(а)С<|=|>«с(а)фур»פּוּר и РУП(и)С<|=|>«с(и)пур»פּוּר.

Ну, а если убрать точку внутри буквы, то «сипур» и «сафур» можно вообще записать одинаково: ספּור-פ\ף-ס<|=|=>«с-ф/п-ур».

Надо учитывать, что в еврейском письме нет заглавных и строчных букв. Все буквы одинакового размера в любом месте предложения. Потому мы и записываем всё в русской транскрипции заглавными буквами.

Перевод слов попробуем дать ниже, а вначале приведем что-то вроде аналогии. Ну, как если бы мы сочинили, скажем, такое: «и создал мир Свой троеЧТивом: ЧТением, соЧеТанием и поЧёТом». Как видим, везде фигурируют русские буквы Ч и Т, которые перемежаются разными гласными. Вот подобная же игра просматривается и в приводимом отрывке.

Итак мы можем предложить следующий вариант «метафорического» толкования рассматриваемой каббалистической выдумки: «и создал мир Свой тремя писаниями: тем, что разграничил; тем, что исчислил; и тем, что занёс в опись». То есть мир создан в трёх свитках: в одном описано разграничение и то, что разграничено; в другом описано исчисление и то, что исчислено; в третьем же содержится опись всего сущего.

Любопытно, что к такому выводу мы пришли, еще не имея на руках книгу «Кузари». После же ее прочтения стало ясно, что выдвинутая нами «этимологическая» гипотеза оказалась в целом верной.

В 25 параграфе 4 главы книги «Кузари» читаем: «Не удивляйся поэтому, когда ты узнаешь, что в еврейском письме форма букв не случайна и в каждую букву вложен смысл. Священные Имена Б-га в сочетаниях букв, которые им подобны, при речи обладают – р. способностью воздействия – ведь и речи и письму предшествует суждение, то есть мысль чистой души, подобной ангельской. Таким образом, эти «три книги» – *сфар*, *сипур* и *сефер* – объединяются в одно, и тем самым мыслимое обретает существование, как оно было **мыслимо** обладателем чистой души и как он это **произнес** или **написал**. Поэтому автор книги «Сефер иецира» говорит о Всевышнем, благословен Он: «Сотворил Он Свой мир **тремя книгами**: *сфар*, *сипур* и *сефер* – все они одно во Всевышнем, благословен Он, и это одно –

источник «тридцати двух чудесных путей мудрости», они же – «десять *сефирот* и двадцать две буквы». Этим показано, что творения при своем возникновении разнятся по количеству и по качеству. Количество – это число, а тайна числа – в десяти, как сказано там же: «Десять сефирот бессушностных – десять, а не девять, десять, а не одиннадцать». Великая тайна в том, что исчисление основано именно на десяти, а не на большем или меньшем числе»¹⁹ (выделено нами – авт.).

Чуть ранее в том же параграфе Иехуда Галеви записал: «*Сфар* **показывает меру и строение вещей**, которые должны быть сотворены, ибо только **с помощью чисел** образуется каждое тело так, что оно устроено хорошо, и все его части находятся в таких соотношениях, чтобы тело это соответствовало цели, для которой оно предназначено. Таким образом, меры площади, сухости, влажности и веса, а также соразмерность движений и строй музыки – все основано на **исчислении, и это – сфар**. Ведь и строитель не построит дома, если нет до того в его душе рисунка этого дома. **Синур – речь**, но речь божественная, «глас речений живого Б-га». От этого речения зависит форма и свойства всякого творения, возникающего при этом речении так, что в тот момент, когда сказано: «Да будет свет», «Да будет небосвод», слово и действие одновременны. А **действие – это сефер, то есть письмо, ибо письмо Всевышнего – Его творения, речь Всевышнего – Его письмо, исчисление Всевышнего – Его речение**. И таким образом по отношению к Всевышнему *сфар*, *синур* и *сефер* – одно. Однако по отношению к человеку это три разные категории, ибо человек мыслит разумом, говорит устами и рукой записывает свою речь, дабы указать тремя этими действиями на какое-либо из созданий Творца. Мысль человека, его письмо и речь – символы вещей, не раскрывающие их сущности. А мысль Всевышнего, Его речения и письмо – сама сущность вещей. Это подобно ткачу шелковых тканей, которому достаточно мысленно представить себе свою работу, – и шелк тут же ему повинуется. В нем образуются краски, какие

¹⁹ Рабби Иегуда Галеви. Кузари. – Иерусалим: «Шамир», 1980.

он себе представил, они образуют рисунки, которые он хотел создать, и так будет соткана ткань по велению ткача и по его рисунку. Если бы мы могли лишь произнести слово «человек» или, нарисовав очертания его тела, создать этим такого же человека, мы бы обладали теми возможностями, какими обладает речь Творца и Его письмо, и были бы творцами».

Из приведенных отрывков следует, что *сфар*, *сипур* и *сефер* – это не то, **что** бог создает, а то **чем** он создает сущее. Это креативные средства бога, а вернее сказать, – это одно средство, но которое человеку дано понять только через три ипостаси:

- мысленное исчисление богом меры и строения вещей (об этом фраза: «*Сфар* **показывает меру и строение вещей**, которые должны быть сотворены, ибо только **с помощью чисел** образуется каждое тело», то есть *сфар* – это не сама мера, а средство и способ ее создания);

- произнесение им того же самого;

- и действие по реализации намеченного, то есть запись.

В результате, это одно средство творения в трех ипостасях становится источником «тридцати двух чудесных путей мудрости», они же – «десять *сефирот* и двадцать две буквы».

И вот теперь мы подходим к настоящей системе «Сефирот», а не к выдуманной «любомудрами». Если бы они были добросовестными и вдумчивыми читателями, то, наверняка бы, более глубоко изучили указанную ими же книгу Шмакова. Там в Аркане X, в параграфе 4 он пишет: «В основе метафизики Каббалы лежит учение о системе *Сефирот* – десяти Первоверховных Принципах, **Ипостасях** Единого Бога, объединяющего их в Своей Непознаваемой Сущности»²⁰ (выделено авт.). Вот эти десять сефир, разделенных на три триады и одну отдельную сефиру: I триада – Корона (Кетер), Мудрость (Хокма), Разум (Бина); II триада – Милосердие (Хесед), Страх или строгость (Пехад), Красота (Тиферет); III триада – Победа (Нецах), Слава (Ход), Основание или форма (Иесод); Царство (Малкут). Они состав-

²⁰ Шмаков В.А. Священная книга Тота: Великие Арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии эзотеризма. – М.: «София». – С. 268.

ляют четыре царства, в которые манифестируется сила Абсолюта (Эйн Соф): мир эманаций (Ацилут), мир творчества (Бриах), мир образования (Иецира), мир реальностей, субстанций (Ассиах). Они возникают следующим образом: Эйн Соф при его удалении в центральную точку Кетер, создает четыре шара, сферы, и свет десяти сефирот Абсолюта отражается в каждом из них, постепенно уменьшая свою интенсивность. В результате в каждой сфере – Ацилут, Бриах, Иецира, Ассиах – возникают по 10 шаров сефирот, составляющих 4 дерева. Только в мире Ассиах на 40 (последнем) круге (шаре) после достаточного уплотнения света возникают химические элементы, звезды и планеты. А до этого творчество Эйн Соф реализуется в мире божественных имен, в мире архангелов, в мире небесных созданий и в мире демонов²¹.

Таким образом, интрига тайной доктрины каббалистов не состояла в сокрытии выдуманной «любомудрами» триадичности меры, информации и материи. Такой триады в еврейских писаниях не было и не могло возникнуть в принципе, ибо мир 40 круга был для евреев-каббалистов таким небольшим и незначимым, что о нем и не стоило заводить *сефер*. Однако, сокрытие тайны от простых евреев и гоев все же присутствовало. Оно заключалась в том, что Эйн Соф считался не Богом-демиургом, а Абсолютом, находящимся вне сферы бытия или небытия, а, следовательно, вне пределов человеческого понимания. Бог-творец являлся всего лишь посредником Эйн Соф²².

Еще одним доказательством невозможности существования триады «любомудров» в еврейской традиции является этимология еврейских слов, обозначающих меру, информацию и материю. С этой целью вновь воспользуемся словарем современного иврита²³.

Итак, «материя».

²¹ См.: Там же. – С. 268-274; Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии. – Новосибирск: «Наука», 1992. – С. 427-450.

²² См.: Пенник Н. Магические алфавиты: Сакральные и тайные системы письма в духовных традициях Запада. – М.: «София», 2014. – С. 16.

²³ См.: Словарь современного иврита. Русско-ивритский. Иврит-русский. С транскрипцией. – Тель-Авив, 1993.

В русско-ивритской части написано: «**материя**. 1. /филос., физ./ «**хОмер**». «Материал» – тоже «хОмер». Далее, тут же: «материальный»: «**хомрИ**». «Материализм»: «**хомранУт**». Итак, делаем предварительный вывод, что корень слова (без огласовок): «**ХОМР**».

Однако и здесь есть свои особенности: звуки «в», «у» и «о» передаются в еврейском письме одной и той же буквой! Она называется «вав». Причём «о» – это «вав» с дополнительной точкой. Странного здесь тоже мало. Ведь все эти звуки «в», «у» и «о» схожи по артикуляции.

Заглянем теперь в ивритско-русскую часть данного словаря. Здесь находим следующее: «**хОм**» – «тепло, теплота, повышенная температура»; «**хУм**» – «коричневый»; «**хомА**» – «стена (городская, крепостная)»; «**хОмер**» – 1. «**материя**».2.»материал, вещество».3.»глина»; «**хумрА**» – 1. «строгость (закона)». 2. «тяжесть (преступления)»; «**хомрИ**» – «**материальный, вещественный**»; «**хомранУт**» – «материализм». «**хумАш**» – 1. «каждая из книг Пятикнижия». 2. «Пятикнижие, Тора».

Кстати, на память приходит библейский миф о том, что человек был вылеплен из глины. Приходит на ум и то, что первые книги делались в виде глиняных табличек. Вспомним пресловутые «скрижали Завета». Они ведь содержали как раз-таки увещевания «Всевышнего» относительно «строгости закона» и тяжести преступлений!»

Теперь – «мера».

В русско-ивритской части написано: «**мера**» – «**мидА**». Далее, тут же: «мерить» – «л(и)-мдОд». Итак, делаем предварительный вывод, что корень слова (без огласовок): «**МД**».

Заглянем теперь в ивритско-русскую часть данного словаря. Здесь с этим корнем прямо-таки изобилие слов: «**м(а)д**» – 1. «мера».2. «измеритель»; «**м(и)дб(А)р**» – «пустыня»; «**б(э)-м(и)дб(А)р**» – «четвёртая книга Торы – «Числа»; «**м(и)дг(А)м**» – 1. «образец». 2. «макет, модель».3. «выборка /(статист.)/»; «**л(и)-мдОд**» – 1. «мерить, измерять». 2. «примерять»; «**м(а)д(А)д**» – «индекс, показатель».»**м(э)дуб(А)р**» – «то, о чём (тот, о ком) говорится»;

«м(э)дуй(А)к» – «точный»; «м(э)дум(Е)h»²⁴ – «кажущийся, мнимый, воображаемый»; «м(а)дУа» – «почему»; «м(э)дОр» – 1. «отдел, подразделение». 2. «раздел»; «м(а)дхОм» – «термометр»; «м(и)дЕй» – «из раза в раз»; «м(э)дид(А)h» – 1. «измерение». 2. «примерка (одежды, обуви)»; «м(э)дин(А)h» – 1. «государство». 2. «штат, республика (в составе государства)»; «м(а)дА» – 1. «наука». 2. «знание». «м(и)др(А)г» – 1. «терраса, уступ». 2. «шкала должностей». «м(а)др(е)г(А)h» – 1. «ступень, ступенька». 2. «терраса(на склоне)». 3. «степень, уровень». «м(и)дрОн» – 1. «склон, спуск».

Наконец, «информация».

В русско-ивритской части написано: «**информация**» – 1. (действие) «**мейдА**»; служба информации «**модиИн**». 2. (сообщение, правка) «**мейдА**», (газетное) – «**ходаАh**»; «информировать (уведомлять, сообщить)» – «**л(э)-ходИа**».

Заглянем в словарную статью «сведения». Здесь написано следующее: «сведения» – 1. (информация) «**мейдА**», «**йэдиОт**». 2. (данные) «**нэтуИм**», «**мимцаИм**».

-от и -им – это окончания множественного числа еврейских существительных. Поэтому найдём исходное единственное число к слову «**йэдиОт**». Заглянем в ивритско-русскую часть данного словаря. Здесь читаем следующее: «**йэдиАh**» – 1. «знание». 2. «известие, сообщение». 3. «заметка, сообщение в прессе». Наконец, согласно этому же словарю, «сообщение (известие)»-»**ходаАh**», «**йэдиАh**».

Круг, таким образом, замкнулся. То есть, имеем ТРИ существительных: «**мейдА**», «**ходаАh**», «**йэдиАh**».

Таким образом, можно абсолютно точно утверждать, что слова «сефар» («сфар»), «сипур» и «сефер» ни этимологически, ни содер-

²⁴ Еврейская буква ך (называется она хэй) произносится на выдохе, подобно английскому звуку, передаваемому буквой h. В середине же слова этот звук часто бывает ослаблен, а в конце слова – вообще не произносится, хотя и пишется по старинной традиции. Вот мы и записываем её латинской буквой h. Впрочем, это не мы придумали – так вообще принято. Произношение же звука на выдохе производится так: Вы выдыхаете воздух из лёгких, подобно тому, как выдыхают, прежде чем глотать спиртное. Вот и получается этот звук [h]. Кстати, немцы произносят своё h примерно так же.

жательно не могли и не могут означать, соответственно, меру, информацию и материю. Для этого в еврейском языке есть другие слова, а в еврейской религии – другие смыслы. И, конечно, же, нет и не было, ни в книге «Кузари», ни в каком-либо другом еврейском источнике толкований «сефар», «сипур» и «сефер», как якобы размышлений иудейских жрецов об устройстве мира на основе меры, информации и материи.

Однако, допустим, что такие размышления все же были и до появления КОБ скрывались от народа. Тогда нам следует рассмотреть саму триаду.

Критикуя В.И. Ленина за известное определение материи, как объективной реальности, предикторианцы объявили его тавтологией. Мол, раз материя равна объективной реальности, а объективная реальность есть, по мысли кобовцев, Вселенная или «все», то, следовательно, В.И. Ленин, наверняка, пудрил мозги населению по заданию надиудейского предиктора. Выдвигая такие обвинения, кобовские теоретики должны были, во-первых, как минимум, изучить то, что они критикуют и желательно не по учебникам, а по первоисточникам, и, во-вторых, ознакомиться с законами формальной логики.

Итак, вчитаемся в известное определение: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»²⁵. Даже не обладая особыми познаниями в логике, можно легко заметить, что ощущения, по Ленину, не входят в объективную реальность, что они существуют независимо от нее. Проще говоря, под материей здесь понимается все то, что не входит не только в сознание, но и в его физиологическую подоснову – ощущения. Для кобовца данный вывод совершенно немислим, так как он не читал произведения Ленина, в лучшем случае ограничиваясь худшим учебником. Иначе бы он знал, что цитируемое ленинское определение материи относится только к сфере познания и потому называется **гносеологи-**

²⁵ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М., 1961. – Т. 18. – С.131.

ческим определением материи, что в той же книге имеются размышления Ленина и о другом понимании материи – **онтологическом**, согласно которому пределы гносеологического противопоставления «материи духу, материализма идеализму» «суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой»²⁶. Следовательно, Ленин здесь прямо дает понять, что его определение материи относится только к сфере познания мира, но не к пониманию самого мира и, что термин «объективная реальность» может использоваться только с рядом оговорок. Кобовцам наплевать на эти оговорки, ибо их задача состоит в том, чтобы как можно мерзачеобразнее оговорить Ленина, представить его идиотом, забыв, что свойства зеркала еще никто не отменял.

Поясняем специально для кобовцев. Человеку для того, чтобы ориентироваться в окружающей действительности нужно и удобно отделить себя, свое личное «я» от остального мира. Это делается для предотвращения путаницы информации о себе и о мире. Поэтому сознание с точки зрения этого акта есть субъективный (то есть произведенный мыслями и чувствами человека) идеальный (виртуальный) образ объективной действительности, то есть материи в данном смысле. Но то же самое сознание с точки зрения мироустройства в целом есть высшая форма развития такого свойства материи, как отражение, а точнее – свойство особым образом организованной материи, которая есть всеобщая и единственная субстанция.

Следовательно, из ленинского онтологического понимания материи следует один очень простой вывод: **материя – это все**²⁷. А раз

²⁶ Там же. – С.259.

²⁷ Сходной позиции придерживался и Ф. Энгельс: «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой **все** происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая **мышлением**» (выделено авт.). Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1975. – С. 50. «Материя как таковая, это – **чистое создание мысли и абстракция**. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим. Когда естествознание ставит себе целью отыскать единообразную материю как таковую и свести качественные

так, то нет в мире ничего равнозначного материи, кроме нее самой. И сама она и есть мир. И, следовательно, не может материя находиться на равнозначной основе в одной триаде с информацией и мерой, ибо они есть ее свойства. Как говорится, «каждый вершок, знай свой шесток», то есть находишься на своем уровне иерархии свойств. Вот так, легко рухнула кобовская триада, основанная на сплошных фальсификациях и лжесвидетельствах.

Однако нас в данном случае интересует сам механизм лжесвидетельства, то есть то, как удалось фальсификаторам одурманить тысячи людей. Поэтому продолжим разбирать кобовскую триаду.

«Мера, – пишут «любомудры», – это «нечто», определяющее **ВОЗМОЖНЫЕ** состояния всех вещей», «многовариантный **сценарий** развития Вселенной», «вероятностная матрица **ВОЗМОЖНЫХ** состояний»²⁸ (выделено авт.).

Толкование кобовцами меры носит столь вольный характер, что, отдыхает даже Ожегов, предложивший четыре случая использования слова «мера»: «1. Единица измерения. *Квадратные меры. М. длины. М. веса.* 2. **Граница, предел проявления чего-н. Знать меру. Чувство меры. Без меры (очень). Сверх меры (слишком). В меру (как раз). В какой мере (насколько).** 3. Средство для осуществления чего-н., мероприятие. *Меры предосторожности. Решительные меры. Принять нужные меры.* 4. Старая русская единица ёмкости сыпучих тел, а также сосуд для измерения их. *М. овса*» (выделено авт.)²⁹.

Из предложенных Ожеговым и Шведовой вариантов нам подходит второй, который применим к осмыслению бытия. С ним стыкуется и диалектическое понимание меры, как интервала количественных изменений, в пределах которых качество объекта неизменно. Или как

различия к чисто количественным различиям, образуемым сочетаниями тождественных мельчайших частиц, то оно поступает таким же образом, как если бы оно вместо вишен, груш, яблок желало видеть плод как таковой, вместо кошек, собак, овец и т. д. – млекопитающее как таковое, газ как таковой, металл как таковой, камень как таковой, химическое соединение как таковое, движение как таковое» (выделено авт.). Там же. – С. 221.

²⁸ Даниленко В.В. и др. Любомудрие (методологическая философия) // Честь и Родина. – 2007. – № 41. – С.4; Мертвая вода. – СПб., 1992. – Часть I. – С. 8.

²⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с

писал Гегель, «Мера есть качественно определённое количество прежде всего как непосредственное; она есть определенное количество, с которым связано некое **наличное бытие** или некое качество. Прибавление. Мера как единство качества и количества есть, следовательно, вместе с тем завершённое бытие»³⁰ (выделено авт.).

Из этого следует, что действительная, а не воображаемая мера существует только в действительном, а не в возможном; не в мыслимом, а в реально существующем предмете. Ибо как может существовать мера возможного, если его еще нет? Мера – это интервал действительных состояний, а не «нечто», определяющее возможные состояния. Однако в мере развития действительных объектов всегда присутствуют потенции меры будущих «действительностей», зреющих в рамках нынешних «действительностей». Этих будущих «действительностей», а, следовательно, будущих «мер» может быть много и какая из них реализуется, зависит не от матрицы, а от нарушения действительной меры предмета в той или иной точке интервала действительного состояния в единстве с рядом сопутствующих обстоятельств под воздействием комплекса факторов.

Когда мы употребляем слово «матрица», то тогда мы вольно или невольно подразумеваем некое лекало, штамп, которые изначально задают все процессы, то есть закладываем телеологический (изначально все распределивший) взгляд на сущее. Мера же по своей сути каузальна (выстроена как цепочка причин и следствий) и вероятностна. Любомудры, вживляя в меру матричность, в «возможностное» – «действительностное», приводят к такому постмодернистскому кашеобразному вареву, из которого человеку вырваться очень тяжело, ведь термин «мера» постоянно употребляется ими как в изначальном смысле этого слова, так и в «генномодифицированном».

Цели этого действия просты. Во-первых, сформировать у человека неправильное понимание не только меры, но и матрицы. Да, матрица – это форма будущего состояния и процесса, но это не есть заданность самого процесса или состояния. Матрица реализуется, только с

³⁰ Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1977. — Т. 1. — С. 257.

самим процессом. Кузнечный штамп сработает только, если начнется процессковки. Во-вторых, незаметно увести человека из царства каузальности в царство телеологичности. Задача состоит в том, чтобы представить меру, как заранее созданный план упорядоченности Вселенной, а саму упорядоченность – как... информацию. Да, читатель. Теперь то, что раньше в диалектической философии называлось формой результата отражения одних систем другими системами у кобовцев стало называться информацией. Хотя при этом термин «информация» у них продолжает свое существование и в субъективном смысле, то есть как совокупность сведений. Не трудно догадаться, каковы итоги такой эклектики. Смешение информации=упорядоченности с информацией=сведениями приводит к тому, что в воображении кобовского «толпоря» сведения предиктора порождают как упорядоченность мира, так и сведения человека.

Для доказательства этой идеи предикторианцы используют различные логические уловки. Вот пример одной из них. На странице 58 Части первой они заявляют, что интеллект – это процесс (кто бы спорил), и тут же – что процесс есть везде (кто бы попробовал сомневаться в этом). А далее следует умопомрачительный вывод о том, что...интеллект есть везде («вы, разве, против?»). Придется ответить, что да, ибо с точки зрения логики средний термин («процесс») здесь взят частично, не в полном объеме в обеих посылках, что противоречит элементарному правилу категорического силлогизма.

Концепция телеологической заданности кобовской меры и информации сама порождает массу логических казусов. Вот один из них. На одной и той же странице 21 Части первой присутствуют вроде бы два диаметрально противоположных высказывания. 1. «Культуру несет не биологическая популяция, а социальная организация биологической популяции»; «сама культура генетически не наследуется». 2. «В силу того, что генотипы популяций вида Человек Разумный в разных ареалах обитания подстраивались под местные условия природной среды, то в разных популяциях генетически обусловленные матрицы потенциальных возможностей и предрасположенностей статистически отличались, что и определило наря-

ду с прямым влиянием природно-географических факторов различие культур в разных регионах уже на достаточно ранних этапах развития общества. Впоследствии... **статистические различия в генетически обусловленных матрицах потенциальных возможностей и предрасположенностей являлись ОДНИМ ИЗ ФАКТОРОВ (наряду с социальной организацией), стабилизирующих национальные культуры и защищающих их от размывания...**». Кто же побеждает в этой суровой борьбе на поле национальной культурной идентичности: гены или социум? Оказывается, все зависит от скорости культурного развития. Будет она ниже смены поколений, социум задавит гены, ниже – наоборот. Представленный этнологический дуализм не только антинаучен, ибо не имеет под собой доказательств, но и вреден в общественной практике. Он подсказывает гнусную идею о том, что не надо бороться против засилия западной буржуазной культуры, так как здоровые национальные гены свое возьмут по любому. А чтобы они были здоровыми, надо совокупляться тоже только со здоровыми национальными генами и тогда все будет двигаться на автопилоте. Таким образом, исподволь вроде бы тупиковое логическое противоречие разрешается в пользу биологизаторского подхода в национальном строительстве.

Кроме лжетриединства Веленной авторы КОБ повеселили и озадачили нас и своей диалектикой.

Оказывается, по взглядам кобовцев, «**все существующее изменяется, развивается**», но «**это развитие предопределено Общевселенской мерой**». Однако, как такое возможно: и предопределено, и развивается – и метафизика, и диалектика? Тут, уж, вы определитесь, господа, – крестик снимать или трусы одевать. А господа предикторианцы только посмеиваются над «толпорями». Им-то как раз и надо, чтобы все эклектически смешивалось и ничего не различалось. Провозгласив РАЗЛИЧЕНИЕ своей первоосновой, предикторианцы на протяжении всего своего «любомудрия» только и делают, что все смешивают и ничего не различают, ибо в смешении их ложь легче воспринимается «толпорями», а в различении – наоборот.

В свое время Гегель точно различил метафизику и диалектику. Односторонность – вот суть метафизического способа мышления. Это означает отсутствие системного анализа, понимания диалектической двойственности предмета и, как следствие, отрицание развития.

Кобовцы на словах признают развитие, но на деле – нет, ибо у них все предопределено. А ведь система потому и развивается, что она не автомат, что она не живет только импульсами, приходящими из внешней среды, а основана на внутренних движателях. И вот осмысление адекватно понятого внутреннего движателя в контексте меняющейся среды и составляет специфику диалектического типа мышления. При этом действительно необходимо настоящее РАЗЛИЧЕНИЕ – не любое движение является развитием. Кроме него есть простое функционирование системы без каких-либо существенных превращений, а также изменение, основанное хоть и на качественных, но обратимых и ненаправленных процессах.

Непонимание кобовцами различия движения, по всей видимости, связано с тем, что создатели КОБ – это технари, не всегда учитывающие, что в технических системах степень существования вероятностных статистических процессов гораздо ниже, чем в социальных или биологических организмах. В результате в кобовском мышлении возник технический редукционизм – Вселенную и общество упростили и свели к техническому аппарату. Сверхсложное представили как простое и тем самым примитивизировали восприятие людьми реальности.

Это является, на наш взгляд, причиной того, что при рассмотрении любых систем кобовские лжесвидетели вообще не учитывают внутренние противоречия, а все сводят лишь к внешнему воздействию одной системы на другую³¹. В данной логике в «Мертвой воде» происходит абсолютизация противостояния цивилизаций, регионов, блоков и стран и, наоборот, нивелируется классовая борьба³². Скорее всего именно с этой целью был подвергнут шельмованию и искажению закон единства и борьбы противоположностей. Кобовцев

³¹ См.: Мертвая вода. – СПб., 1992. – Часть I. – С. 77; Часть II. – С. 20

³² См.: Там же. – Часть I. – С. 70-72.

очень не устроило в этом законе слово «борьба». Они заявили, что в природе «идет не борьба, а именно взаимодействие различных параметров Среды в Мере»³³, а, так как, мол, общество это часть природы, то негоже отрываться от нее. Нет никакой борьбы в мире и баста, ее придумали нехорошие предикторы и Мордохей Леви, то есть Крал Маркс.

И опять, как и в других вопросах, нет у кобовцев никакого различия, все валится в одну кучу – слово «борьба» у них понимается только в крайнем значении – значении сражения (здесь, видимо, сказался офицерский редуционизм создателей КОБ). А ведь русское слово «борьба» многогранно, есть у него и такой смысл: «вступить в противоречие, в столкновение».³⁴ Согласитесь, что вступить в противоречие отнюдь еще не означает, что это противоречие обязательно носит антогонистический характер и заканчивается истреблением. И в немецком языке, на котором писали классики марксизма, слово «борьба» тоже имеет широкие смысловые границы.

В книге «Диалектика природы» Фридрих Энгельс не сын, правда, раввина, а чистокровный «ариец» написал: «Так называемая *объективная* диалектика царит во всей природе, а так называемая *субъективная* диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной **борьбой** и своим конечным переходом друг в друга, resp. в более высокие формы»³⁵ (выделено авт.).

По-немецки: «Die Dialektik, die sog. o b j e k t i v e, herrscht in der ganzen Natur, und die sog. subjektive Dialektik, das dialektische Denken, ist nur Reflex der in der Natur sich überall geltend machenden Bewegung in Gegensätzen, die durch ihren fortwährenden **Widerstreit** und ihrschließliches Aufgehen ineinander, resp. in höhere Formen, eben das Lebender Natur bedingen».

³³ Даниленко В.В. и др. Любомудрие (методологическая философия) // Честь и Родина. – 2007. – № 41. – С.6.

³⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1985. – С. 50.

³⁵ Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Политиздат, 1975. – С. 180.

«Борьба» здесь в русском переводе – немецкое слово «Widerstreit» (дословно так: wider – приставка со значением ответного действия или противодействия; streit – «столкновение, борьба, бой»). Получается, стало быть: «противоборство», хотя все современные немецко-русские словари дают такой перевод «Widerstreit»: «столкновение, спор», а глагол «widerstreiten» толкуют как «противоречить, идти наперекор»).

К сожалению, авторы КОБ не читали этой работы Энгельса и поэтому не знают, что он на протяжении всей книги в качестве синонима слову «борьба» использовал слово «взаимодействие». Вот, например, он пишет: «Таким образом, мы имеем снова **взаимодействие** между притяжением, с одной стороны, и формой движения, действующей в противоположном ему направлении, т. е. отталкивательной формой движения, – с другой. Но эта отталкивательная форма движения не встречается в природе в рамках земной чистой механики (оперирующей массами с данным, неизменным для нее агрегатным состоянием и состоянием сцепления). Физические и химические условия, при которых какая-нибудь глыба отрывается от вершины горы или же при которых становится возможным явление падения воды, лежат вне сферы компетенции этой механики. Таким образом, в земной чистой механике отталкивающее, поднимающее движение должно быть создано искусственно: при помощи человеческой силы, животной силы, силы воды, силы пара и т. д. Это обстоятельство, эта необходимость искусственно **бороться** с естественным притяжением, вызывает у механиков убеждение, что притяжение, тяжесть, или, как они выражаются, сила тяжести, является самой существенной, основной формой движения в природе»³⁶.

А вот эту цитату можно даже поставить в эпиграф «Мертвой воды»: «*Взаимодействие* – вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания»³⁷. «*Wechselwirkung ist das erste, was uns*

³⁶ Там же. – С.55.

³⁷ Там же. – С. 199.

entgegentritt, wenn wir die sich bewegende Materie im ganzen und großen, vom Standpunkt der heutigen Naturwissenschaft betrachten».

Атаковали предикторианцы закон единства и борьбы противоположностей и по другому вопросу. Они не довольны тем, что классики рассматривали только парные противоположности, а так как во взаимодействии принимает участие большое количество «разнокачественностей» (термин КОБ), то, следовательно, они уже и не являются, по мысли «любомудров», противоположностями³⁸. К сожалению, технический редукционизм авторов «Любомудрия» приводит к тому, что они воспринимают в системе только взаимодействие ее **элементов** и не видят, что главная борьба=взаимодействие разворачивается между **тенденциями** развития системы, а также между ее **свойствами**. Противоречия между элементами являются всего лишь видимой частью айсберга диалектической двойственности. Главная же ее интрига разыгрывается совершенно по другому поводу – по поводу перехода из идеальности в материальность предмета, из ничто в нечто, говоря гегелевским языком, а если проще – из возможного в действительное состояние. То есть смысл закона состоит в переходе из одного качества в другое самого предмета, а вовсе не в борьбе предметных «разнокачественностей».

После этого вывода можно затронуть и такой любимый кобовцами вопрос, как вопрос о дефективности всего еврейского, библейского и марксистского, а в данном случае – о дефективности формулировки закона единства борьбы и противоположностей³⁹. Но мы поставим вопрос несколько иначе: а может, все же не закон дефективен, а его интерпретаторы?

Этот вопрос уместен и при взгляде на интерпретацию следующего закона диалектики – отрицания отрицания.

И какой только мути не вылили на него кобовцы. Он, оказывается:

³⁸ Даниленко В.В. и др. Любомудрие (методологическая философия) // Честь и Родина. – 2007. – № 41. – С. 7.

³⁹ См.: Там же.

- «плодит социальный идиотизм в обществе, в частности нигилизм»;

- приводит к хождению по кругу;

- порождает психологию «один в поле не воин»;

- программирует психику на подавление творческого потенциала;

- распространяет идею о бессмысленности социальной борьбы и пропагандирует библейскую доктрину всеобщего порабощения.

Все эти обвинения основаны на одной используемой кобовцами обывательской логике: зачем такая жизнь нужна, ведь завтра может быть... отрицание? Мол, зная об отрицании, человек становится или нигилистом, или пофигистом. Тут уж как у Жванецкого: «Консерватория, частные уроки, золото, суд, Сибирь. Может что-нибудь в консерватории подправить?» Бедный Гегель! А ведь он думал, что знание об отрицании приблизит людей к Абсолютной идее, а, оказывается, наоборот.

Конечно же, вся эта логическая чепуха возникает не из-за знания людьми о грядущем отрицании, а от незнания кобовцами истины об отрицании. В результате в их головах сложилось не философское, а бытовое понимание отрицания, как о круговращении и абсолютизации негации.

Итак, что же такое отрицание?

В первом приближении **отрицание** – это утрата системой каких-либо свойств, либо тенденция к этому. Однако при анализе отрицания необходимо учитывать ряд важных методологических моментов. Во-первых, отрицание присуще не только процессу развития, но и вообще любому движению, изменению, функционированию. Во-вторых, следует различать отрицание как объективную закономерность и наши представления о нем (истинные или ложные). В этом плане следует подчеркнуть, что так называемое «голое» или «зряшное» отрицание (только отвергающее) может допускаться только мысленно и только по отношению к мыслям, а не к вещам. **Отрицание как абсолютное уничтожение чего-либо материального вообще неосуществимо**, т.к. материя при всех превращениях меняет свои формы.

Факты действительности показывают, что отрицание, как универсальное свойство любого движения может быть генетическим (диалектическим) и негенетическим (недиалектическим). В генетическом отрицании имеет место постоянное воссоздание механизмов детерминации, обусловленности последующего развития системы, а в негенетическом – нет. То есть в процессе развития на локальном уровне могут входить различные негенетические отрицания или их элементы, но движителями самого развития они стать не могут. Эту роль выполняет только генетическое (диалектическое) отрицание. Оно присуще развитию как его закономерность.

В XIX веке Ф. Шеллинг и Г. Гегель первыми предложили модель генетического отрицания, которую иногда называют «триадой Гегеля». Она содержит два отрицания, различных по своей специфике и роли в развитии: *первое* – раздвоение единого, или переход от тезиса к антитезису; *второе* – взаимопереход тезиса и антитезиса, их слияние или синтез.

Триады бывают **имманентными**, то есть присущими вещи в любых условиях ее существования (например, действительность–возможность–действие) и являющимися отражением ее основных внутренних противоречий, и **временными** (историческими), характеризующими движение вещи во времени из одного качества в другое.

Развитие в исторических триадах осуществляется путем перехода от старого к новому и от нового к новейшему: старое отрицается новым, которое в свою очередь стареет и отрицается новейшим. В начале происходит первое отрицание, при котором новое есть полное противоположность старому. На ступени *второго* отрицания неизбежно восстанавливаются черты исходной формы.

Лучшей иллюстрацией к закону отрицания отрицания являются слова Ф. Энгельса: «Возьмем, например, ячменное зерно. Биллионы таких зерен размалываются, развариваются, идут на приготовление пива, а затем потребляются. Но если такое ячменное зерно найдет нормальные для себя условия, если оно попадет на благоприятную почву, то, под влиянием теплоты и влажности, с ним произойдет своеобразное изменение: оно прорастет; зерно, как таковое, перестает

существовать, подвергается отрицанию; на его место появляется выросшее из него растение – отрицание зерна. Каков же нормальный жизненный путь этого растения? Оно растет, цветет, оплодотворяется и, наконец, производит вновь ячменные зерна, а как только последние созреют, стебель отмирает, подвергается в свою очередь отрицанию. Как результат этого отрицания отрицания мы здесь имеем снова первоначальное ячменное зерно, но не просто одно зерно, а в десять, двадцать, тридцать раз большее количество зерен. Виды хлебных злаков изменяются крайне медленно, так что современный ячмень остается приблизительно таким же, каким он был сто лет тому назад. Но возьмем какое-нибудь пластическое декоративное растение, например далию или орхидею; если мы, применяя искусство садовода, будем соответствующим образом воздействовать на семя и развивающееся из него растение, то в результате этого отрицания отрицания мы получим не только больше семян, но и качественно улучшенное семя, дающее более красивые цветы, и каждое повторение этого процесса, каждое новое отрицание отрицания усиливает эти качественные улучшения. – Подобно тому, как мы это видим в отношении ячменного зерна, процесс этот совершается у большинства насекомых, например у бабочек. Они развиваются из яичка путем отрицания его, проходят через различные фазы превращения до половой зрелости, спариваются и вновь отрицаются, т. е. умирают, как только завершился процесс воспроизведения и самка отложила множество яиц. Что у других растений и животных процесс завершается не в такой простой форме, что они не однажды, а много раз производят семена, яйца или детенышей, прежде чем умрут, – все это нас здесь не касается; здесь нам нужно пока только показать, что отрицание отрицания действительно происходит в обоих царствах органического мира. Далее, вся геология представляет собой ряд отрицаний, подвергшихся в свою очередь отрицанию, ряд последовательных разрушений старых и отложений новых горных формаций. Сначала первичная, возникшая от охлаждения жидкой массы земная кора размельчается океаническими, метеорологическими и атмосферно-химическими воздействиями, и эти измельченные массы отлагаются

слоями на дне моря. Местные поднятия морского дна над уровнем моря вновь подвергают определенные части этого первого отложения воздействиям дождя, меняющейся в зависимости от времени года температуры, атмосферного кислорода и атмосферной углекислоты; под теми же воздействиями находятся прорывающиеся через напластования из недр земли расплавленные и впоследствии охладившиеся каменные массы. Так в течение миллионов столетий образуются всё новые и новые слои, – они по большей части вновь и вновь разрушаются и снова служат материалом для образования новых слоев. Но результат этого процесса весьма положителен: это – образование почвы, состоящей из разнообразнейших химических элементов и находящейся в состоянии механической измельченности, которое делает возможной в высшей степени массовую и разнообразнейшую растительность.

То же самое мы видим в математике. Возьмем любую алгебраическую величину, обозначим ее a . Если мы подвергнем ее отрицанию, то получим $-a$ (минус a). Если же мы подвергнем отрицанию это отрицание, помножив $-a$ на $-a$, то получим $+a^2$, т. е. первоначальную положительную величину, но на более высокой ступени, а именно во второй степени. Здесь тоже не имеет значения, что к тому же самому a^2 мы можем прийти и тем путем, что умножим положительное a на само себя и таким образом также получим a^2 . Ибо отрицание, уже подвергшееся отрицанию, так крепко пребывает в a^2 , что последнее при всех обстоятельствах имеет два квадратных корня, а именно $+a$ и $-a$. И эта невозможность отделаться от отрицания, уже подвергшегося отрицанию, от отрицательного корня, содержащегося в квадрате, получает весьма осязательное значение уже в квадратных уравнениях»⁴⁰.

«Не иначе обстоит дело и в истории. Все культурные народы начинают с общей собственности на землю. У всех народов, перешагнувших уже через известную ступень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе развития земледелия око-

⁴⁰ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1961. – Т. 20. – С. 139-141.

вами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность. Но на более высокой ступени развития земледелия, достигаемой благодаря самой же частной собственности на землю, частная собственность, наоборот, становится оковами для производства, как это наблюдается теперь и в мелком и в крупном землевладении. Отсюда с необходимостью возникает требование – подвергнуть отрицанию теперь уже частную земельную собственность, превратить ее снова в общую собственность. Но это требование означает не восстановление первобытной общей собственности, а установление гораздо более высокой, более развитой формы общего владения, которая не только не станет помехой для производства, а, напротив, впервые освободит последнее от стесняющих его оков и даст ему возможность полностью использовать современные химические открытия и механические изобретения»⁴¹.

Из этих примеров следует, что диалектическое отрицание в любом случае предполагает деструкцию (разрушение) прежнего, кумуляцию (преемственность, частичное сохранение) и конструкцию (формирование, созидание качественно нового)⁴², а также имманентные (внутренне присущие) свойства развития: *цикличность (триадичность), повторяемость и спиралевидность*. Кроме того, любая историческая триада имеет *вероятностный* характер. Он обусловлен тем, что явления и их сущность никогда полностью не совпадают, а вмешательство внешних сил (других триад) может исказить протекание второго отрицания. В результате, **отрицание** есть «организация» развития как процесса перехода от предшествующего к последующему, которая характеризуется следующими чертами: необратимость, исчезновение и возникновение (порождение нового), сохранение, снятие, накопление, раздвоение и объединение, дифференциация и интеграция, известная автономность, неравномерность и противоречивость, нелинейность, разнонаправленность и разнообразие, иерар-

⁴¹ Там же. – С. 142.

⁴² Это и есть истинная трехаспектность мира, которую в интуитивной мифологической форме зафиксировали некоторые философии и религии мира.

хизация, полиморфизация, порождение в системах определенного разнообразия, сложность, выбор.

Значение этого закона состоит в том, что он учит бережно относиться к наследию прошлого, ориентирует на поиск нового, более совершенного, направляет на поиск оптимальных форм отрицания предыдущих состояний для каждого конкретного случая, определяет соотношение деструктивного и конструктивного в отрицании, ориентируясь, прежде всего на трансформацию, снятие и синтез.

Кобовские обвинения коснулись и третьего закона диалектики: и, мол, понятие «мера» не присутствует в определении, и некий **порядок** там же не учтен, и о разных количественных изменениях ничего не сказано.

Эти любители порядка заявили, что «всякий порядок – это определенность и предопределенность количественная и порядковая»⁴³. Получается очень интересная предикторианская мысль: порядок – это **порядковая** определенность. Ну, а, если учесть, что определенность сама есть разновидность порядка, то возникает вообще нечто эпохальное: **порядок – это порядковая разновидность порядка**. И ведь невдомек докторам наук, писавшим сей труд, что, категория «порядок» может рассматриваться в рамках закона взаимоперехода количественных и качественных изменений только в очень узких границах, так как носит ограниченный субъективный характер, ведь порядок **кто-то** должен наладить или **кто-то** должен все пустить по порядку. В природе нет порядка как такового, а есть последовательность процессов. И только человек дает им характеристику.

То, что кобовцы называют порядком, хорошие диалектики в старые добрые времена величали **структурностью** вещи («строение вещи» по книге «Кузари»?), которая зависит от **качества** (*то есть устойчивой совокупности существенных свойств объекта*), **количества** (*выражающегося в различиях внутри предметов одного и того же качества*) и **меры** ее существования.

⁴³ Даниленко В.В. и др. Любомудрие (методологическая философия) // Честь и Родина. – 2007. – № 41. – С. 7.

Теперь по поводу жалоб на отсутствие в определении «меры». Да, кобовской меры там нет, но есть настоящее исходное понимание меры: **интенсивные количественные изменения, постепенно накапливаясь, превышая границу меры, путем скачка, то есть перехода от одного качества к другому (быстрого или длительного) вызывают качественные изменения в объекте, создавая условия для новых количественных изменений.**

Методологическое значение данного закона заключается в том, что он требует любое явление (процесс) рассматривать в единстве его количественных и качественных сторон, учит познавать меру допустимых изменений в предмете, при которых его качество сохраняется, указывает на необходимость выбора оптимальных форм перехода от одного качества к другому. При учете данных требований в будущем будет исключено появление в сознании вдумчивых людей кобовских «диалектических» перлов, подобных этому: «Такой механизм возникновения биологического вида согласуется с законом диалектики о переходе количественных изменений в качественные, в том числе **и в результате скачка, а не эволюционного развития**»⁴⁴ (выделено авт.). Заявив подобное, авторы воистину окропили читателей мертвящей водицей, чтобы, по всей видимости, они навсегда получили повреждение мозга и способность к РАЗЛИЧЕНИЮ и пониманию, что **скачок** определяется не по быстротечности события или радикализму скачущих майдаунов, а по наличию качественных изменений, которые могут протекать с разной скоростью, интенсивностью и силой.

Итак, читатель, две системы миропонимания предстали перед тобой: марксистская и кобовская. Обе обозначаются словом «диалектика», но различия между ними весьма существенные. Первая выросла из мировой философской традиции, а другая, как ты успел убедиться, зародилась, как ложь и фальсификация прохиндеев. Первая – логична и последовательна, вторая – путанная и методологически неверная. Первая – диалектична, а вторая – метафизична.

⁴⁴ Мертвая вода. – СПб., 1992. – Часть I. – С. 19.

Часть II. Почему кобовские елки растут на кобовских булках?

«К. Маркс – внук двух раввинов, инвалид правого полушария или участник «жидо-масонского заговора» (или и то, и другое), всю жизнь занимался «изучением» «объективного» процесса, как булки растут на елке; описал его в толстых книгах и оставил этот «Капитал» в наследство марксистам, большинство которых тоже принадлежат к тому слою, для которого «булки растут на елках»».

Мертвая вода. – СПб.,1992. – Часть II. – Книга 2. – С. 12.

«У кого что болит, тот о том и говорит».

Народная мудрость

Для доказательства «булкообразности» марксизма кобмахеры, как великие его знатоки, решили, ни много, ни мало, опровергнуть закон стоимости. Они заявили, что «стоимость не создается трудом, а возникает из баланса произволов взаимных притязаний при продуктообмене»⁴⁵, и «цена при продуктообмене определяется не равенством трудозатрат, а балансом взаимных притязаний»⁴⁶. Сравнение двух этих фраз показывает, что и стоимость, и цена у кобмахеров создаются одним и тем же – «балансом взаимных притязаний». Тогда чем они отличаются друг от друга? Получается, что ничем. Такой итог в голове кобовца мог возникнуть только в одном случае – при восприятии стоимости, как цены, а цены, как результата игры спроса и предложения (баланса взаимных притязаний).

⁴⁵ Мертвая вода. – СПб.,1992. – Часть II. – Книга 2. – С.18.

⁴⁶ Там же. – С. 16.

Но тогда возникает простой вопрос: «Как объяснят господа кобовцы тот факт, что при одном и том же балансе взаимных притязаний, и, следовательно, примерно одной и той же цене на рынке одной товарной группы происходит разорение одних и процветание других производителей-продавцов?» Думаем, что любой человек, не читавший ни «Капитала», ни «Мертвую воду», выдвинет обоснованное предположение, что нужно, прежде всего, посмотреть на затраты и результаты деятельности и что если их сложить, то получится, то, что К. Маркс назвал стоимостью, но **стоимостью индивидуальной**. И если эта стоимость у каждого участника рынка разная, то и вес каждого при определении баланса взаимных притязаний будет разным. У кого будут меньше затраты и выше *результаты*, то есть *прибавочная стоимость*, тот и выиграет гонку взаимных притязаний, а средне-взвешенная величина индивидуальных стоимостей, то есть то, что Маркс назвал **рыночной стоимостью**, станет тем якорем, вокруг которого будет болтаться корабль ценообразования при конкурентном рынке. И чем больше рынок будет монополизирован, тем меньше цены будут привязаны к этому якорю и тем больше станет тяготеть к индивидуальной стоимости наиболее сильного участника рынка. И в любом случае стоимость (затраты+результаты) определяются трудом, а цена – стоимостью, средней нормой прибыли, а также спросом на данную стоимость и ее предложением.

На таком рынке не может быть сравнения «разнокачественностей» (термин КОБ) в принципе, чего так боятся кобовцы, ибо в противном случае рынка не было бы вообще. Поэтому сетования кобовцев на то, что потребительные стоимости, то есть способности удовлетворять потребности, всегда субъективны и поэтому их нельзя соизмерить и сравнить количественно, по меньшей мере, наивно. Они не понимают, что «разнокачественность» вещей еще не означает «разнокачественности» их сущностей. Одни читают книги о спорте, другие – о технике, третьи – о философии. Но их роднит одно – то, что они вообще читают. И так во всем. Если бы не было такого соприкосновения сущностей, то людям было бы невозможно взаимодействовать в принципе, соизмеряя свои потребности. Рынок и пред-

назначен для соизмерения однокачественных сущностей, имеющих разнокачественные явления. И чем ближе качество явления конкретного товара качеству средневзвешенной величины сущности всей товарной группы, тем успешнее владелец этого товара.

Разделавшись со стоимостью и потребительной стоимостью, предикторианские мужи взялись за стоимость прибавочную, которую, согласно Марксу, присваивает себе капиталист. Пытаясь дискредитировать в этом пункте марксизм, кобовцы заявили, что такого присвоения не может быть, ибо, во-первых, предприниматель, на их взгляд, присваивает себе не капитал, а «только фонд личного потребления владельцев фирмы и членов их семей»⁴⁷ и, во-вторых, что постоянный капитал, воплощенный в средствах производства, не может делиться до бесконечности, ибо «банка с вареньем» (термин КОБ) имеет предел своего объема, а, следовательно, из него нельзя ничего взять на какую-то прибавочную стоимость⁴⁸. Здесь наглядно видны одновременно и метафизичность, и лукавство кобовских построений, которые опровергаются одним доводом: производство, пульсируя, постоянно расширяется, капитал постоянно самовозрастает, а, следовательно, банка с вареньем по ходу процесса превращается в бидон, цистерну и т.д. И эта постоянно расширяющаяся масса производится во всех капиталистических ячейках, но присваивается не в объеме своего индивидуального производства, а в зависимости от так называемой цены производства, как суммы затрат и средней прибыли.

Именно благодаря цене производства капиталист получает не то, что он выжал из своих рабочих, а то, что выжали все капиталисты из всех рабочих, но с учетом количества авансированного этим капиталистом капитала. Образно выражаясь, пирог, выпекаемый из прибавочных стоимостей, принадлежащих всем капиталистам, нарезается через среднюю прибыль каждому капиталисту пропорционально вложенному им капиталу. Поэтому в этой ситуации мы можем говорить о том, что каждый капиталист коллективно с другими капиталистами эксплуатирует всех рабочих.

⁴⁷ Там же. – С. 33.

⁴⁸ См.: Там же. – С. 33-34.

При этом присваивает не общество в целом, а отдельные капиталисты, которые и решают самостоятельно судьбу своего капитала. Могут закрыть производство, расширить, модернизировать, диверсифицировать и т.д. То есть ведают они не только «своей» зарплатой, как силятся представить кобмахеры, но факторами производства.

Складывается впечатление, что, скорее всего, авторы КОБ частного собственника представляли себе на уровне махинаций советского спекулянта, а не как производственное отношение современного капитализма.

Вообще, подмена понятий, как мы показали ранее, – это конек предикторианцев. Этот прием используется и в их экономических изысканиях.

Например, при рассмотрении товаропотоков кобовцы незаметно для своих адептов адекватное понятие «товарообмен» меняют на другое понятие – «продуктообмен». Вроде, какая разница. Однако для тех, кто до выхода в свет «Мертвой воды» читал экономическую литературу, разница существенна, так как понятие «товарообмен» использовалось только применительно к товарной организации общества и противопоставлялось продуктообмену, то есть такому обмену, при котором не использовалась (или не будет использоваться) купля-продажа. Теперь же, когда у кобовцев и продуктообмен, и товарообмен смешался в одном понятии «продуктообмен», у читателя подсудно возник вопрос: а зачем стремиться к настоящему бестоварному продуктообмену, если он уже существует?

Такую же комбинацию проделали авторы книги и с понятиями собственности. Они заявили, что «личная форма присвоения частной прибыли получила наименование «частная собственность»», что не вполне, на их взгляд, верно, ибо, во-первых, «так называемая «частная собственность» уже давно – корпоративная» и, во-вторых, «форма присвоения может быть не частная или общественная, а личная, семейная, клановая, корпоративная и общественная разной широты»⁴⁹.

⁴⁹ Там же. – С. 26-27.

Мы были правы, когда при объяснении кобовского «махерства» вспомнили советского спекулянта, так как только наблюдение за данным человеческим типом могло привести к возникновению в сознании предикторианцев отождествления частного с индивидуальным и личным. А ведь смысл частной собственности в ином: не в присвоении, как таковом, а в присвоении с помощью отделения одного собственника от другого. Исторический опыт показывает, что данное отделение возникает еще до буржуазной формации, но к своему завершению состоянию приходит только при ней с помощью конкурентного рынка и капитализма. Частный потому и частный, что функционально частичный, что может связаться с другим частным и всем обществом только опосредованно, то есть через рынок. Поэтому частная собственность может быть индивидуальной, групповой, коллективной, государственной, но суть ее будет одна: часть становится целым только через рынок. Когда же рынок становится не нужным, то присвоение теряет свой частный характер и может приобретать личный, коллективный и общественный характер, причем не опосредованный, как ранее, а непосредственный. Человек, коллектив и все общество в целом могут присваивать блага прямо, минуя товарообмен.

Очевидно, что затушевывая разницу между частным и нечастным присвоением, кобовцы стремятся увековечить частное, скрыв его за классификацией собственности по менее существенному основанию.

Этой же цели служит и антиростовщический пафос учения КОБ. При его комплексном восприятии вместе антимарксистскими, антиприбавочностоимостными выпадами кобовцев, невольно возникает вопрос, а не стремятся ли авторы к реализации идей их «великих» предшественников о капитализме, но без процента, о капитале, но с «зарплатой» предпринимателей, об общинах, но с «предиктором».

Один из ловких кобмахерских приемов – это искусственное противопоставление Маркса и Сталина.

Читаем на эту тему экономические перлы кобовцев: «Экономика СССР наиболее успешно развивалась во времена И.В. Сталина, когда **МАРКСИЗМ БЫЛ В ТЕОРИИ, А В ПРАКТИКЕ БЫЛА ЦЕЛЕСООБ-**

РАЗНОСТЬ... Когда же в жизнь стали вторгаться «элементы хозрасчёта», подкреплённые авторитетом инвалидов правого полушария от К.Маркса до Евсея Либермана и нынешних “500-дневников”, то народное хозяйство пошло в разнос»⁵⁰.

После прочтения данного текста у доверчивых адептов КОБ могут возникнуть в голове, как минимум, следующие выводы:

1. После Сталина целесообразность была заменена марксизмом.

2. Маркс был сторонником построения нового общества с помощью хозрасчета.

3. Кобовцы – это точно не сторонники Евсея Либермана.

Ответим по порядку.

Для разоблачения первого и второго пунктов обратимся к первоисточнику, то есть к произведениям Маркса и его друга Энгельса.

В первую очередь обратимся к главному произведению Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», к гл. IV: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ:

«Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающееся в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути; повседневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем. Общество может просто подсчитать, сколько часов труда заключено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна определенного качества. И так как количества труда, заключающиеся в продуктах, в данном случае известны людям прямо и абсолютно, то обществу не может прийти в голову также и впредь выражать их посредством всего лишь относительной, шаткой и недостаточной меры, хотя и бывшей раньше неизбежной за неимением лучшего средства, – т. е. выражать их в третьем продукте, а не в их естественной, адекватной, абсолютной

⁵⁰ Там же. – С. 12.

мере, какой является время. Точно так же и химия не стала бы выражать атомные веса разных элементов окольным путем, в их отношении к атому водорода, в том случае, если бы она умела выражать атомные веса абсолютно, в их адекватной мере, а именно – в действительном весе, в биллионных или квадрильонных частях грамма. Следовательно, при указанных выше условиях, общество также не станет приписывать продуктам какие-либо стоимости. Тот простой факт, что сто квадрат-ных метров сукна потребовали для своего производства, скажем, тысячу часов труда, оно не будет выражать нелепым и бессмысленным образом, говоря, что это сукно обладает стоимостью в тысячу рабочих часов. Разумеется, и в этом случае общество должно будет знать, сколько труда требуется для производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной «стоимости»*.

*Что вышеупомянутое взвешивание полезного эффекта и трудовой затраты при решении вопроса о производстве представляет собой все, что остается в коммунистическом обществе от такого понятия политической экономии, как стоимость, это я высказал уже в 1844 г. («Deutsch-Französische Jahrbucher», стр. 95). Но очевидно, что научное обоснование этого положения стало возможным лишь благодаря «Капиталу» Маркса»⁵¹.

Процитируем характерный отрывок из письма Энгельса Каутскому:

« [Ты утверждаешь, что] Теперешняя стоимость – это стоимость товарного производства, но с упразднением товарного производства «изменяется» также и стоимость, то есть [по-твоему] сама по себе

⁵¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1961. – Т. 20. – С. 321.

стоимость остается, меняется лишь форма. На самом же деле экономическая стоимость – категория, свойственная товарному производству, и исчезнет вместе с ним (см. «Дюринг», стр. 252–262) точно так же, как она не существовала до него. Отношение труда к продукту не выражается в форме стоимости ни до товарного производства, ни после него»⁵².

Обратимся теперь к письму Энгельса в адрес Вернера Зомбарта от 11 марта 1895 г. Читаем, в нём, в частности: «Само собой разумеется, я не могу целиком согласиться с Вашим изложением взглядов Маркса. В особенности это относится к изложению понятия стоимости на стр. 576–577; мне кажется, что оно дано слишком расширительно: я бы, во-первых, ограничил его исторически, подчеркнув, что оно имеет значение для той ступени экономического развития общества, при которой только могла и может идти речь о стоимости – для тех форм общества, где существует товарообмен, соответственно – товарное производство»⁵³.

В своей работе «Критика Готской программы» К. Маркс четко указывает, что в новом обществе «в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления»⁵⁴. «Наконец, представим себе, – читаем в «Капитале» К. Маркса, – для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewußt] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общую рабочую силу. Все определения робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинзона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого. Весь продукт труда союза свободных людей представляет общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средств производства. Она остается общественной. Но другая часть

⁵² Энгельс Ф. Письмо Карлу Каутскому в Цюрих от 20 сентября 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1961. – Т. 36. – С. 180-181.

⁵³ Энгельс Ф. Письмо Вернеру Зомбарту от 11 марта 1895 г. // Там же. – Т. 39. – С. 351.

⁵⁴ Маркс К. Критика Готской программы // Там же. – Т. 19. – С. 20.

потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двойную роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении»⁵⁵.

Известно, что в советской литературе идею хозрасчёта приписывали Ленину. Но Ленин-то обозвал его, как известно, «пресловутым хозрасчётом».

На смену НЭПу в конце 1920-х годов пришел российский советский бюрократизм во главе с И.В. Сталиным, который подвел черту под развитием революции, введя в СССР режим «государственного социализма», спроектированный еще в XIX в. сен-симонистами, Родбертусом и др., - модель общества, которую беспощадно критиковал Ф. Энгельс в последние годы своей жизни. В связи с последним можно вспомнить такое место из письма Ф. Энгельса К. Каутскому от 15 февраля 1884 г.: «Следовало бы кому-нибудь взять на себя труд облачить распространяющийся, как зараза, государственный социализм, воспользовавшись его образчиком на Яве, где он процветает на практике)...(голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство на государственных началах и обеспечили людям вполне удобное, по своим понятиям, существование. Ре-

⁵⁵ Маркс К. Капитал. Том первый // Там же. – Т. 23. – С. 88-89.

зультат: народ удерживают на ступени первобытной ограниченности, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 млн. марок ежегодно (Теперь, наверное, больше). Случай в высшей степени интересный, и из него легко извлечь практические уроки. Между прочим, это доказательство того, что первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии, и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма (пока его не встряхнет стихия современного коммунизма).

В условиях современного общества он оказывается кричащим анахронизмом, который либо должен быть устранен, либо же получить дальнейшее развитие...»⁵⁶.

Конечно, в Советском Союзе был другой «случай» «государственного социализма», – насаждавшийся не колонизаторами в отсталой стране с преобладанием первобытного натурального хозяйства, а ВКП(б) с целью быстрой и массовой пролетаризации крестьянства при его наименьшем сопротивлении.

В 1891 году под влиянием Ф. Энгельса немецкие социал-демократы включили в Эрфуртскую программу своей партии следующее положение: «Социал-демократическая партия не имеет ничего общего с так называемым государственным социализмом, системой огосударствления в фискальных целях, которая ставит государство на место частного предпринимателя и тем самым объединяет в одних руках силу экономической эксплуатации и политического угнетения рабочего»⁵⁷. Ни программа Российской Социал-демократической партии, общая для большевиков и меньшевиков, ни программа Российской Коммунистической партии (большевиков) подобного положения не содержали, и российские марксисты почти совсем не занимались данным вопросом (как и, увы, марксисты-ленинцы вплоть до наших дней). Между тем созданное усилиями российских большевиков и их эпигонов общество оказалось как раз практическим воплощением этой известной немарксистской модели социализма.

Советский Союз никогда не был ни социалистическим государством посткапиталистического типа, как то утверждают сталинисты, ни переродившимся рабочим государством, как считает большинство

⁵⁶ Энгельс Ф. Письмо Ф. Энгельса К. Каутскому от 15 февраля 1884 г. // Там же. – Т. 36. – С. 96-97.

⁵⁷ Энгельс Ф. Социал-демократическая программа 1891 г. Проект Правления партии // Там же. – Т. 22. – С. 623.

троцкистов. В результате национализации в стране возникла государственная монополия на средства производства и обмена, что еще далеко не означает обобществление (социализацию) собственности. Как предвидел Карл Маркс, «такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее», для такого рода «коммунизма» «общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общинным капиталом, общиной как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень представляемой общности: труд – как предназначение каждого, а капитал – как признанная всеобщность и сила всего общества»⁵⁸.

Цель государственного социализма, как отмечал Ф. Энгельс, – «превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих». «Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков – хорош социализм»⁵⁹, – возмущался он.

Все это было в СССР. Характер труда рабочих оставался наемным – администрация нанимала работников и обладала реальной властью на производстве, а не наоборот. Прибавочный продукт отчуждался государственным аппаратом и им же перераспределялся. Между тем еще Маркс предупреждал: «Никакая форма наемного труда, хотя одна из них может устранить недостатки другой, не в состоянии устранить недостатки самой системы наемного труда»⁶⁰. «Капитал, – по его убеждению, – предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга»⁶¹. А раз создается капитал, то рано или поздно появятся те, кто захочет владеть этим капиталом «как положено» – на правах частной собственности.

Таким образом, согласно изложенным взглядам классиков ни сталинская экономика, ни послесталинская не соответствовали марксистскому пониманию социализма – первая в меньшей степени, вто-

⁵⁸ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Там же. – Т. 42. – С. 114.

⁵⁹ Энгельс Ф. Письмо Ф. Энгельса Эдуарду Бернштейну в Цюрих от 12 марта 1881 г. // Там же. – Т. 35. – С. 140.

⁶⁰ Маркс К. Критика политической экономии (Черновой набросок 1858-1859 годов) // Там же. – Т. 46. – Часть I. – С. 62.

⁶¹ Маркс К. Наемный труд и капитал // Там же. – Т. 6. – С. 444.

рая – в большей. И если «вредительство» Сталина состояло в легализации понятия «стоимость», то «вредительство» последующих руководителей СССР заключалось в завершении и воплощении стоимостной матрицы в СССР. Для этого Либерманом и Косыгиным была осуществлена базовая формообразующая прокапиталистическая реформа, в результате которой порицаемый кобовцами «сталинский» налог с оборота⁶² перестал быть главным каналом государственного доходообразования. Ему на смену пришел налог с фондов предприятий, соответствующий капиталистическому принципу «прибыли на капитал».

Вот как об этом писала одна из ведущих специалистов в этом вопросе Т.М. Хабарова: «Основной объём общественного дохода формировался на потребительском рынке, в ценах на потребительские товары, принимая здесь вид централизованного чистого дохода государства («налога с оборота»). Поскольку товары широкого потребления представляют собой не что иное, как средства воспроизводства рабочей силы, призванные компенсировать её затраты и обеспечить её развитие, то и получалось, что общественный доход формируется, – фактически, – «по труду», пропорционально существующей в обществе на сей день «раскладке» затрат живого труда.

Мощный слой налога с оборота в потребительских ценах позволял государству уверенно и целенаправленно маневрировать, проводить свою классовую социальную политику: удешевлять для потребителя в первую очередь те товары, которые определяют жизненный уровень масс. Снижение цен проводилось за счёт части централизованного чистого дохода государства, которая именно в такой специфической форме передавалась населению.

Суммируя, можно сказать, что в эпоху действия двухмасштабной ценовой системы государственная собственность у нас сочеталась с социалистической «трудовой» модификацией стоимости, т.е. в стране имел место социализм в его основополагающих базисных очертаниях, пусть и в «неотшлифованном» ещё виде. (Совершенно неправ,

⁶² См.: Мертвая вода. – СПб., 1992. – Часть II. – Книга 2. – С. 66.

кстати, в данном отношении С. Губанов, характеризуя в своих «Предложениях к проекту Платформы КПСС» существовавший у нас в ту пору строй как «государственный капитализм».)

Картина коренным образом изменилась (в худшую сторону) в итоге «хозяйственной реформы» 1965-1967 гг. Но дело тут не в том, что реформа, якобы, санкционировала «политику увеличения прибыли». Прибыль – это есть, в сущности, доход, а без дохода, без превышения результатов хозяйствования над затратами никакое производство, ни капиталистическое, ни социалистическое функционировать не может. Доход – в форме централизованного чистого дохода государства плюс отчисления от прибылей предприятий – извлекался, естественно, и «при Сталине», при двухмасштабной системе цен, причём общество также было заинтересовано в его увеличении, а отнюдь не в уменьшении.

Суть проблемы в другом. При «сталинском социализме» общественный доход аккумулировался, – как мы только что лишний раз удостоверились, – в явственной пропорции к общественным затратам живого труда. Это-то и делало нашу тогдашнюю государственную собственность на средства производства подлинно социалистической. В процессе же «экономической реформы» 1965г. ввели не «политику увеличения прибыли», а изменили принцип доходообразования (прибылеообразования). Двухмасштабная система цен была сломана, исчезло характерное для неё размежевание на цены потребительского рынка и цены «производительские». Доход повсюду стали формировать по типу капиталистической «прибыли на капитал», – пропорционально стоимости производственных основных фондов и материальных оборотных средств, т.е., – по существу, – пропорционально стоимости не трудовых, а материальных затрат.

Социалистическая государственная собственность на средства производства оказалась, в результате, соединена с некоей уродливой «псевдокапиталистической» модификацией товарно-денежных отношений. Возникшее «гибридное» устройство резко отклонилось от социализма в сторону государственного капитализма. Социалистическому строительству как таковому был положен конец (предпосылки

к этому закладывались ещё в 50-е годы), началось постепенное перерождение, а впоследствии и открытый демонтаж созданных социалистических структур в экономике и политике на буржуазный лад. Именно пагубный, всецело регрессивный процесс перерождения социалистической общественной собственности в некое поистине убудочное подобие собственности государственно-капиталистической и привёл нас сначала к застою, затем к глубочайшему и опаснейшему за всю историю нашей страны контрреволюционному кризису (развернувшемуся под флагом «перестройки»).

ТАКИМ ОБРАЗОМ, «государственный капитализм» в СССР существовал, – во-первых, – в определённой мере в период нэпа, причём это был не просто «частник под контролем государства», но и практически вся тогдашняя промышленность являлась «государственно-капиталистической». Ведь в то время социалистическая модификация закона стоимости ещё не сложилась. Тресты, – как основная форма управления производством при нэпе, – имели широкие права в области реализации готовой продукции, снабжения, а вместе со всем этим и ценообразования. В этих условиях, – естественно, – механизм товарно-денежных отношений стихийно действовал на прежний, капиталистический лад, шло формирование и распределение прибыли по величине авансированного капитала. Оплата труда тяготела к рыночной стоимости рабочей силы как товара, и весь этот «комплект» логично дополнялся безработицей, чему сегодня кое-кто склонен «не придавать особого значения».

Затем, в период «сталинских пятилеток», социалистическая модификация отношения стоимости (т.е., общая конструкция «социалистического рынка») была, – как мы уже множество раз повторяли, – теоретически и практически найдена. Поэтому наш общественно-экономический уклад в ту эпоху никаким «государственным капитализмом» не являлся, на рубеже 40-х – 50-х годов его вполне можно было характеризовать как «построенный в основном социализм». С середины 50-х годов началось упорное расшатывание и коверканье этого социалистического уклада, а в ходе реформы 1965-1967гг. свершилось «второе пришествие» государственного капитализма. Это

произошло в результате, как уже было объяснено, замены социалистической модификации стоимости на «псевдокапиталистическую» (или скрыто капиталистическую), принципа формирования дохода «пропорционально общественным затратам живого труда» на принцип доходуобразования «пропорционально стоимости производственных фондов», т.е. практически по аналогии с «прибылью на капитал». С тех пор на протяжении четверти века нашу экономику изнутри «гложет» тяжелейший структурный, базисный дисбаланс: социалистический способ производства, вместо того чтобы нормально развиваться в направлении к коммунизму, вынужден мучительно противоборствовать с насильственно «вколоченным» в экономическую целостность скрыто-капиталистическим способом распределения.

Вот отсюда и потянулись все наши беды, – но вовсе не от выдуманной «командно-административной системы», которой у нас при социализме не было, а была естественная для социалистического строя система централизованного планового территориально-отраслевого руководства народным хозяйством. Кстати, – как в наших материалах тоже неоднократно отмечалось, – все до единого негативные явления, которые душат советскую экономику сегодня, имеют точную датировку своего возникновения, и эти даты, также все до единой, приходятся не на «сталинские» времена, а на вторую половину 50-х годов и позже»⁶³.

Таким образом, в ходе реформы была создана матрица капитализма в СССР и теперь оставалось эту форму наполнить реальным содержанием, то есть «конкурентным рынком», что и было сделано позже во время перестройки и ельцинизма.

Из анализа истинного отношения кобовцев к хрущевско-брежневскому разрушению сталинской экономической модели мы видим, что они есть настоящие сторонники идей Евсея Либермана и ярые антисталинисты, а не некие выдуманные ими марксисты-либерманисты. Настоящие марксисты, при всем их критическом от-

⁶³ Хабарова Т.М. Социализм и государственный капитализм // Неизвестный марксизм. – 2011. – №1(2). – С. 114-117.

ношении к Сталину, никогда бы не посоветовали, убрать налог с оборота, как это сделали кобовцы, мотивируя это тем, что он, мол, представляет собой «всеобщее понижение устойчивости по платежеспособности»⁶⁴. Скорее всего, после такого предложения настоящий Коба КОБу посоветовал бы органам советской юстиции запретить, а ее авторов отправить на лесоповал. Жаль, все-таки, что не переловили в свое время сотрудники НКВД/КГБ всех кобмахеров на русской земле.

Экономическая модель КОБ, на первый взгляд, – это хаотичная смесь различных экономических подходов. Но только на первый взгляд. При более глубоком анализе в ней угадывается игра в несколько ходов:

1. Дискредитация марксизма при временном формальном признании плановой экономики и фактическом потворствовании в запуске либеральной матрицы хозрасчета.

2. Отрицание прибавочной стоимости при абсолютизации угрозы перекачки ресурсов финансовой олигархией через процент.

3. Подмена деления собственности по способу присвоения на частную и общественную на классификацию более низкого уровня – по характеру присвоения.

4. Ввиду «объективных обстоятельств», отказ от плановой экономики и создание идеологии государственного капитализма во главе с национальным капиталом.

Конечно, для сегодняшнего времени госкапитализм – это даже прогресс, но ведь книга «Мертвая вода» писалась на закате СССР и, следовательно, для тех обстоятельств госкапиталистическая концепция КОБ – это явное предательство плановой экономики, социализма и страны в целом.

Такую же ценностную характеристику мы можем дать и социальной концепции КОБ.

Приведем ее основные положения.

⁶⁴ Мертвая вода. – СПб., 1992. – Часть II. – Книга 2. – С. 66.

1. Марксизм обманул людей. На самом деле классы возникли не из отношений собственности, а из своего положения по отношению к функции управления.

2. Марксистская теория множественности классов не верна, ибо в реальности есть только два класса: управленцы и работники.

И опять мы видим некомпетентность авторов КОБ. Они берутся судить о том, чего вообще не знают. Дело в том, что марксизм не утверждал ни того, ни другого.

Ф. Энгельс в работе «Общественные классы – необходимые и излишние» писал следующее по данному вопросу: «Часто задавали вопрос: в какой степени полезны или даже необходимы различные классы общества? И ответ, конечно, был различен для различных исторических эпох. Несомненно, было время, когда земельная аристократия была неизбежным и необходимым элементом общества. Это, однако, было очень, очень давно. Затем было время, когда капиталистический средний класс, буржуазия, как называют ее французы, класс, возникший со столь же неизбежной необходимостью, вступил в борьбу против земельной аристократии, сокрушил ее политическую власть и, в свою очередь, получил экономическое и политическое господство. Но никогда, с тех пор как возникли классы, не было такого времени, когда общество могло бы обходиться без рабочего класса. Название, социальное положение этого класса изменялось; место раба занял крепостной, которого в свою очередь сменил свободный рабочий – свободный от крепостной зависимости, но свободный также и от обладания чем бы то ни было на земле, кроме своей собственной рабочей силы. Но всякому ясно: какие бы изменения ни происходили **в высших, производящих слоях общества**, общество не может существовать без **класса производителей**. Следовательно, этот класс необходим при всяких условиях, хотя должно прийти время, когда он не будет уже больше классом, когда он будет охватывать собой все общество»⁶⁵ (Выделено нами – Авт.). Из этого отрывка недвусмысленно вытекает простой вывод, что всегда с началом периода цивилизации общество делилось на два больших класса – непроизводительный класс и класс производителей, которые меняли только свои исторические формы. Это марксистское деление

⁶⁵ Энгельс Ф. *Общественные классы – необходимые и излишние* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1961. – Т. 19. – С. 296.

общества на классы максимально широкое и кобовцы даже не догадываются, что их разграничение на управленцев и работников является лишь частным классификации Энгельса.

И здесь мы логично используем следующую цитату классика: «Значит, все еще проблема заключается в том, чтобы найти объяснение для отношений господства и порабощения.

Они возникли двояким путем.

Какими люди первоначально выделились из животного (в более узком смысле слова) царства, такими они и вступили в историю: еще как полуживотные, еще дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие еще своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности. Здесь господствует известное равенство уровня жизни, а для глав семей – также своего рода равенство общественного положения, по крайней мере отсутствие общественных классов, которое наблюдается еще и в первобытных земледельческих общинах позднейших культурных народов. В каждой такой общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества: таковы – разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах; наконец, на ступени первобытно-дикого состояния – религиозные функции. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена, – так, например, в древнейших германских марках и еще теперь в Индии. Они облечены, понятно, известными полномочиями и представляют собой зачатки государственной власти. Постепенно производительные силы растут; увеличение плотности населения создает в одних случаях общность, в других – столкновение интересов между отдельными общинами; группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и учреждение органов для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам. Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое, положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей, которая в мире, где все происходит стихийно, устанавливается почти сама собой, отчасти же благодаря растущей необходимости в такого рода органах, связанной с учащением конфликтов с другими

группами. Нам нет надобности выяснять здесь, каким образом эта **все возраставшая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу могла со временем вырасти в господство над обществом; каким образом первоначальный слуга общества, при благоприятных условиях, постепенно превращался в господина над ним;** каким образом господин этот выступал, смотря по обстоятельствам, то как восточный деспот или сатрап, то как греческий родовой вождь, то как кельтский глава клана и т. д.; в какой мере он при этом пре-вращении применял в конце концов также и насилие и каким образом, наконец, отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс. Нам важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало **отправление какой-либо общественной должностной функции** и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту свою общественную должностную функцию выполняло. Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, последовательно расцветавших, а потом погибавших, каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего – совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было какое бы то ни было земледелие. Только просвещенные англичане сумели проглядеть это обстоятельство в Индии; они запустили оросительные каналы и шлюзы, и лишь теперь, благодаря регулярно повторяющимся голодовкам, они начинают, наконец, соображать, что пренебрегли единственной деятельностью, которая могла бы сделать их господство в Индии правомерным хотя бы в такой степени, в какой было правомерно господство их предшественников.

Но наряду с этим процессом образования классов совершался еще и другой. Стихийно сложившееся разделение труда внутри земледельческой семьи давало на известной ступени благосостояния возможность присоединить к семье одну или несколько рабочих сил со стороны. Это имело место особенно в таких странах, где прежнее общее владение землей уже распалось или где, по крайней мере, прежняя совместная обработка земли уступила место обработке земельных наделов отдельными семьями. Производство развилось уже настолько, что человеческая рабочая сила могла произвести теперь больше, чем требовалось для простого поддержания ее; средства для содержания большего количества рабочих сил имелись налицо, имелись также и средства для применения этих сил; рабочая сила приобрела стоимость. Но сама община и союз, к которому принадлежала

эта община, еще не выделяли из своей среды свободных, избыточных рабочих сил. Зато их доставляла война, а война так же стара, как и одновременное существование по соседству друг с другом нескольких общинных групп. До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «хозяйственного положения» военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом. Таким образом, насилие, вместо того чтобы господствовать над хозяйственным положением, было вынуждено, наоборот, служить ему. Рабство было открыто. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины, но в конце концов оно стало также одной из главных причин их упадка. Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира – для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы»⁶⁶ (Выделено нами – Авт.).

Итак, мы видим, что марксисты были гораздо более щепетильными людьми в исторических исследованиях, чем это представляют предикторианцы, и в отличие от наших горе системщиков они действительно старались системно рассматривать проблему образования классов. И результат налицо. Кобовцы показали пример одностороннего метафизического подхода, вырастив на своих булках кобовские мутантные елки, чем посрамили себя, а марксизм будет еще долго являться откровением для ученых мира.

Фальсификация марксизма у кобовцев дополняется незнанием ими своей собственной страны. Российская цивилизация во все века и в любых условиях характеризуется ими, как синтетическая система, а страны Запада как некий конгломерат. И это при том, что в начале XX века Россия оставалась сословной аграрной страной, с редкими очагами промышленности, с безграмотным населением, с разорванной «системой» уровней образования, с расколом дворянства и наро-

⁶⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. – М., 1961. – Т. 20. – С. 183-185.

да. По сути именно Россия была самым настоящим конгломератом, еле сдерживаемым от развала центральной властью.

Охарактеризум **российский конгломерат** более подробно.

Важная черта развития промышленности России во второй половине XIX – начале XX в. заключалась в том, что оно приобрело расколотый характер. С одной стороны, естественным образом и во многом стихийно формировался и развивался «почвенный» поток российской капиталистической модернизации, представленный квазикапиталистическим конгломератом широкой кустарной промышленности, артельного и кооперативного производства, среднего и крупного капитала отраслей группы Б.

С другой стороны, все крупные формы тяжелой индустрии рождались и произрастали в тесной связи или в рамках насаждаемого сверху государственно-капиталистического модернизационного потока. Он аккумулировал и перераспределял огромные финансовые и трудовые ресурсы, которые выкачивались из структур почвенного потока и общинно-крестьянского уклада. В этом русле развивалась и монополистическая тенденция. Монополистические объединения совместно с торгово-ростовщическим капиталом, закабеляя мелких производителей (докапиталистического и раннекапиталистического типов), консервировали их производство и тем самым обусловили утверждение квазикапиталистического характера экономического строя России. Такая регрессия капитала была характерна для многих стран, как необходимое условие формирования капитализма. Но только в России в рассматриваемом периоде она сочеталась с возникновением капиталистических монополий и протекала на территории исторического центра страны.

Аграрному строю России второй половины XIX – начала XX в. были свойственны низкий уровень развития рыночных отношений и капитализма в аграрной сфере, значительные остатки феодальных отношений, большой удельный вес мелкотоварного производства, широкое распространение торгово-ростовщического капитала и, в целом, господство депрессивной модели развития аграрного сектора в виде двух способов эволюции крестьянского хозяйства и концентрации аграрного производства. Царское правительство, способствуя проведению форсированной индустриализации, становлению капиталистического способа производства и потому остро нуждаясь в значительных капиталах, взяло курс на государственно-капиталистическое регулирование аграрного производства с целью

выкачивания из него необходимых ресурсов и, одновременно, оказания помощи дворянству, как опоре самодержавия. Возможность сохранения формальной самостоятельности мелкого производителя при работе его на рынок и при полном его подчинении торговому капиталу привела к задержке развития капитализации производственного процесса и производственных сил.

Итогом данной политики стали углубление межсекторного разрыва между промышленностью и сельским хозяйством, деградация последнего, превращение аграрного производства в квазикапиталистическую периферию капиталистического уклада и, в конечном итоге, остановку пролетаризации сельского населения, закрепление анклавно-конгломератного типа развития российского социума.

В промышленности за весь императорский период благодаря целенаправленной организаторской деятельности государства приоритет отдавался развитию индустриальных производительных сил при запаздывании или деформации капиталистических производственных отношений. В аграрном секторе, напротив, опережали капиталистические производственные отношения, но не в фазе производства, так как здесь у капитализма не было никаких серьезных перспектив, а в фазе обмена. Промышленность, выкачивая экономические ресурсы из сельского хозяйства, не только тормозила его капиталистическую модернизацию, но в стратегическом плане задерживала и свое собственное развитие. Во-первых, низкая эффективность сельскохозяйственного производства препятствовала перекачке рабочей силы из деревни в город. Во-вторых, легкость получения доходов от эксплуатации дешевого наемного труда, поступавшего из деревни, и неординарных укладов развращали крупный капитал и направляли капиталистическую модернизацию в русло экстенсивного развития и неоправданно высокого уровня привлечения иностранного капитала.

Таким образом, экономический строй России сложился в многоукладную переходную систему преимущественно конгломератного типа. Она характеризовалась длительным сосуществованием и устойчивым воспроизведением трех разнородных потоков-пластов моделирующих элементов и основанных на них отношений: неординарного, почвенного («автохтонного», самобытного) капиталистического и государственно-монополистического («заимствованного»). Эти потоки-пласты образовали отдельные анклавы, которые автономно воспроизводили свой тип отношений. Связи между анклавами были построены больше не на синтезе и превращении одних форм в

другие, а на параллельном, но разноплоскостном соразвитии. Анклавы при соприкосновении не образовывали сплава и в основном не приобретали новых качеств за счет утраты исходных.

Одной из существенных особенностей социального развития России пореформенного периода явилось взаимодействие двух процессов: окончательного формирования крестьянского сословия и медленного превращения крестьян в классы буржуазного общества. Результатом пересечения этих социальных потоков явилось возникновение в начале XX в. специфического социального образования переходного типа – потребительски-трудового переходного класса-анклава, не желавшего следовать в русле предложенной властью модели модернизации. Его интересы выразило крестьянское движение, которое приобрело двойственную природу: и революционную, так как было направлено против феодальных пережитков и их носителей, а также боролось против государственного деспотизма, и бунтарскую, ибо пыталось остановить раскрестьянивание, законсервировать архаические социальные формы, воспрепятствовать утверждению капитализма.

Буржуазные реформы и наступление «власти денег» не ослабили, а скорее, усилили массовое стремление крестьян законсервировать уравнивательные локальные формы жизни. В разгар индустриализации в деревне происходил процесс укрепления общины и развития уравнивательных ценностей, хотя и в обрамлении развившихся к тому времени утилитаризма, предприимчивости и рационализма.

Наращение доли постоянных, потомственных рабочих кадров, все более освобождавшихся от связей с деревней при снижении темпа роста общей численности фабрично-заводского пролетариата в начале XX в., приводило к накоплению излишка рабочей силы в аграрном секторе, что способствовало усилению его социально-экономической анклавности, постепенному затуханию процесса пролетаризации и развитию пауперизации. Данное обстоятельство приводило к двойным последствиям. С одной стороны, в ближайшей перспективе происходило уменьшение тормозящего воздействия неотрадиционного крестьянского уклада на формирование социального положения и менталитета промышленного пролетариата, но с другой стороны, в стратегическом плане вырисовывалась картина остановки процесса индустриализации страны.

В результате противоречивого взаимодействия традиционных общинных ценностей российских рабочих с реалиями капиталистиче-

ской эксплуатации, индустриальной организации и современной городской жизни происходило формирование специфического сознания рабочих, имевшего буржуазно-традиционный раннеиндустриальный характер.

Сходное, но несколько иное противоречие присутствовало в психологии представителей промежуточных слоев. Их формационная раздвоенность заключалась в переплетении сословных пережитков с новыми ценностными ориентирами. Парадоксальным итогом этого синтеза стало формирование антибуржуазного мировоззрения промежуточных слоев, торможение их объединения в единый средний класс.

Русская интеллигенция (как специфический промежуточный слой), возникшая в результате буржуазной модернизации российского общества, не только не взяла на себя ее легитимацию, но и выступила в целом с жестких антикапиталистических позиций. Такая метаморфоза стала возможной в силу масштабного социокультурного раскола российского общества. Он же преломился и в самой интеллигенции через противоречивое сочетание в ней различных идейно-политических направлений.

По сути дела русская интеллигенция стала своеобразным социокультурным преломлением российской переходной многоукладности, отражением анклавно-конгломератного характера экономического строя страны. Это выражалось, во-первых, в том, что в ней с самого начала обозначилось несинтезируемое конгломератное сосуществование трех идеологических направлений: консервативного, либерального и революционного (народнического и марксистского) и, во-вторых, в особой социокультурной (статус и ментальность) маргинальности и оторванности интеллигенции от народа, выдвинувших её социальных групп, бюрократии и даже самого образованного общества.

В целом переход от сословно-классового общества к буржуазно-классовому по всем социальным параметрам еще не вышел за пределы своего начального раннеиндустриального этапа и сопровождался серьезным системным кризисом, важнейшим последствием которого стало отторжение почти всеми социальными силами царистского варианта модернизации.

Таким образом, в российском конгломератном обществе до 1917 г. преобладали не сквозные, а опоясывающие связи, которые отличались большой мягкостью и не стимулировали однородности. В роли

таковых выступили: политико-правовая система царизма, сословность общества, политика государственного капитализма и включение властью квазикапиталистического⁶⁷ механизма перекачки прибавочного продукта в капиталистический сектор⁶⁸.

Завершая анализ КОБ, мы отнюдь не утверждаем, что все строки книги «Мертвая вода» лживы. Это, конечно же, не так. Истинные положения там присутствуют, но их ценность, во многом, теряется, ибо они замешаны на собрании лжи и глупости, и, причем так, что служат вполне прозрачным политическим целям – увести людей в ложную реальность неадекватного мировоззрения для реализации адекватных классовому миру задач продолжения господства и эксплуатации.

⁶⁷ То есть основанного на продаже продукта некапиталистического сектора на капиталистическом рынке.

⁶⁸ Более подробно о конгломератно-анклавном характере российского общества см.: Волков В.В. Россия:interregnum. Исторический опыт модернизации России (вторая половина XIX - начало XX в.). – СПб.,2011.

ЖИВАЯ ВОДА ПРОТИВ МЕРТВОЙ

**Нужен ли внутреннему
предиктору внешний репетитор?**

Подписано в печать 01.10.2015. Формат 60x84 1/16

Гарнитура Times New Roman. Печать ризография.

Бумага офсетная 80г/м². Печ.л. 4,38.

Тираж 100 экз. Заказ № 811

Отпечатано в ИПЦ «Политехника-принт»

190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18 Д

Научное издание

Вячеслав Викторович Волков